

Сергей Вольнов

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]
КАЛИБР ПАМЯТИ

Апокалипсис-СТ

Сергей Вольнов

Зона Посещения. Калибр памяти

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вольнов С.

Зона Посещения. Калибр памяти / С. Вольнов — «АСТ»,
2016 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-095105-5

В российской Зоне Посещения разразилась настоящая война миров! Привычные карты смешало неожиданное вторжение «третьей силы» в устоявшийся, казалось бы, расклад сил – в противостояние человечества Земли и чужеродной сверхсущности. Некоторым сталкерам пришлось стать переходными пешками в новой игре. Трот мог бы потерпеть поражение, однако уцелел в этой схватке. Люди помогли ему... Но эта книга не о беспримерном рейде Орла и Реверса, а о том, что в российской Зоне происходит уже «после войны». Родилось новое поколение, которое вынуждено пожинать плоды свершившегося. И «послевоенные» сталкеры следуют заветам тех, кто шел раньше. Ходка продолжается. Герои не умирают, пока о них помнят. И это правило справедливо не только для человека...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095105-5

© Вольнов С., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Вместо пролога	6
00. Иначе	10
01. Всюду жизнь	23
02. Дом, милый дом...	33
03. Проверка на брак	43
04. Рекрутинг	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Вольнов

Зона Посещения. Калибр памяти

© С. Вольнов, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается способным гнуться, но не сломаться...

«Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас...»

Очень наивные слова

«Чтобы стать по-настоящему жизнеспособным, необходимо приспосабливаться к любой среде...»

Очень мудрые слова

«Не важно, что думает о себе человек. Главное, что о нём думают окружающие. Даже если они ошибаются...»

Очень полезные слова

Вместо пролога

...Он снова оглянулся и настороженно всмотрелся в лесную чащу. Никакого результата от этого взгляда по-прежнему не было. Преследователи маскировались, сливаясь с зарослями, и продолжали уверенно идти за ним. Ему никак не удавалось оторваться от погони.

Человек, одетый в грязную пятнистую куртку с капюшоном, сделал глубокий вдох и моргнул, стряхнув пот с ресниц. Затем в очередной раз перебежал к следующему дереву. Ещё парочка рывков, и он окажется на опушке...

Неподалёку раздался отчётливый треск сломанной ветки, и в небо, серое, затянутое плотными тучами, взмыла стая ворон. Птицы, рассерженно каркая, наматывали круги над верхушками деревьев. Они будто переговаривались, сетуя о том, что вот ведь, сидели себе, никому не мешали, и вдруг кто-то нагло вторгся, напугал их, вынудил покинуть облюбованные посадочные места.

«Действительно, разве это правильно с их точки зрения? Нет, конечно... Но здесь, похоже, таких понятий – правильно и неправильно – просто не существует. Здесь и земные природные законы не обязательно работают как надо... Хотя нет – один действует исправно, без исключений. Один-единственный закон. Подлости...»

Прижавшийся к стволу дерева человек, отогнав непрошенные и лишние сейчас мысли, несколько секунд всматривался в густой подлесок. В том направлении, откуда донёсся звук сухой ветки, треснувшей под подошвой крадущегося врага. Но глаза не сумели распознать точное местонахождение закамouflированных преследователей. К сожалению или к счастью? Точного ответа человек, прильнувший к древесной коре, не знал. Впрочем, этот вопрос и не был для него главным.

«...Пять!» – отсчитал он, беззвучно шевеля губами, и плавным, кошачьим движением переместился за очередное дерево. «Ещё один раз остался!» – не забыл мысленно подметить. Дальше, за следующим толстым стволом, покрытым заплесневелой буро-зелёной корой, пространство уже было открытым. Спасительные заросли заканчивались...

И в этот миг участок леса, расположенный метрах в пятнадцати слева, буквально зашевелился: кусты затрещали, трава всколыхнулась, из почвы забили фонтанчики пыли; стволы, раненные пулями, брызнули кусочками древесины. Упорные преследователи открыли профилактическую стрельбу – не прицельно, просто чтобы беглец, удирающий от них, не расслаблялся.

«Везёт некоторым! – с понятной завистью отметил человек. – Когда же и у меня случится немереный боезапас?!» Этот вопрос в здешних условиях был, конечно, по умолчанию безответным. Одним из тех, что неизбежно возникали у каждого, угодившего в тиски между желаемым и действительным. Самым популярным из них традиционно являлся отчаянный: доберусь ли я до утра живым?.. Почти так же часто возникал и недоумённый: за что я вообще сюда попал?!

Настороженные до предела уши бегльца сумели различить характерные звуки перезарядки оружия, и он тотчас коршуном метнулся к следующему дереву. Совершив последний рывок и вновь слившись с древесным стволом, что-то извлёк из специального мешочка, прикреплённого к поясу. Фигурка, напоминавшая игрушечного человечка, была слеплена из камешков различных форм и цветов. Беглец лихорадочно потёр кончиками пальцев ножки фигурки и сунул штуковину в нагрудный карман куртки. Затем изо всех сил побежал к хижине, выдавшей вида. Откуда здесь, на опушке дикого леса, взялось это подобие дома – оставалось загадкой. Одной из бесчисленных, разгадывать которые не стоило и пытаться...

До стены оставалось ещё немалое расстояние, когда убегающий ощутил серию коротких тычков в спину. Началось воздействие композиции камешков, которую он достал из поясного

мешочка. Эти подталкивающие «пинки» главным образом пришлись по бёдрам и пояснице. Они словно приподымали человека, когда он отрывал ноги от земли, и уже на лету придавали ему дополнительное ускорение. Благодаря этому бегущий длинными скользящими прыжками гораздо быстрее достиг цели – подобия дверного проёма.

Внутри строения обитала темнота, пахло сыростью, плесенью и гниением разлагающейся плоти. Идеальное местечко для логова какой-нибудь жуткой твари. И эта самая жуткая тварь, по безотказно действующему закону подлости, уже поджидала незваного гостя.

Две мерцающие точки, похожие на загоревшиеся хищным огнём волчьи глаза, светились в глубине... Наполнявшая помещение смрадная атмосфера сыграла на стороне твари. От режущей вони глаза человека заслезились, и он был вынужден инстинктивно зажмуриться. Всего лишь на долю секунды. Но этого краткого мгновения вполне хватило.

Подняв веки, незванный гость уже не засёк светившихся огоньков. В следующее мгновение что-то изменилось. То ли произошло резкое движение густого воздуха, то ли... Человек не глядя, навскидку, выпустил автоматную очередь. Не было никакого смысла что-то пытаться рассмотреть там, где ни черта не видно. В патовой ситуации остаётся надеяться лишь на чутьё и, конечно же, удачу.

* * *

В лицо человеку хлестала обжигающая кровь, утробный крик боли вонзался в уши, терзая барабанные перепонки... Оборвался этот вопль агонии одновременно с последним выстрелом. Жуткий монстр издох. Огненноглазому не повезло самую малость – воспользовавшись невольной заминкой визитёра, зверь успел подкрасться к нему почти вплотную. Но человек этот имел навык, которому люто позавидовали бы многие. Он чуял смертельную опасность на миг раньше, чем она появлялась.

Почти перерубленное пополам щедрой очередью из старого, но всё ещё безотказного автомата звериное туловище рухнуло на пол. Прямо в грязищу, что за долгое время скопилась на досках. К ней уже прибавилась свежая кровь и вывалившиеся внутренности...

Человек, расстрелявший зверя, удовлетворённо произнёс вслух: «Ага!» – и без промедления поднялся на чердак строения. Сделал он это, воспользовавшись до странности чистой, новенькой, будто только что установленной лестницей. Можно было задать вопрос, откуда она в этой удручающей дыре взялась, такая девственная... Однако не имело смысла задавать его, по умолчанию безответный. В ненормальном пространстве, где иногда воскресают мертвецы и обычные люди, бывает, становятся способны повелевать стихиями, бесполезное занятие – сушить голову попытками понять, зачем оно так, а не иначе. Пользуйся тем, что есть, и радуйся, если оно тебе на руку.

Наверху преследуемый рукавом куртки вытер кровь и пот, залившие лицо в результате схватки, молниеносной, но отобравшей у него много нервов. И встал так, чтобы его нельзя было заметить снизу. Сам же он с этой позиции помещение под собой мог просматривать и контролировать без проблем. Снаружи послышался быстро приближавшийся топот многих подошв, человек в куртке с капюшоном плотно сжал губы и приготовился к бою. Патронов у него оставалось совсем немного, поэтому спастись можно было, лишь следуя принципу: ни одного выстрела мимо цели.

Посланцы смерти, упорно идущие по его следу, неотвратимо приближались.

* * *

...Мальчик открыл глаза и увидел потолок детской. Сон ушёл как-то сразу, мгновенно исчез. Проснувшись, ребёнок долго смотрел на облака, солнышко и птичек, которыми был

разрисован потолок. Рисунки эти он, скорее, помнил и угадывал, чем действительно видел в сумраке.

Лёжа с открытыми глазами, мальчик думал о том, что просто не понимает, отчего вдруг проснулся. Ему приснились картинки, оставившие после себя ощущение страха, но что же его испугало именно в этом сне? Ведь похожие сны он видел и раньше. Не первый раз воевал он после того, как засыпал. Для серьёзных шестилетних мужчин такие боевые сновидения вообще привычное дело. Что же настолько страшное случилось именно в этом сне?.. Ответа на вопрос мальчик сейчас не нашёл. «Ну и ладно», – подумал он и лёг на бочок, отвернув лицо от нарисованного небушка, угадываемого в сумраке.

Только вот не получалось у него опять заснуть. Мальчик зевал, старательно прикрывал веки, пытаясь их сомкнуть. Глаза упрямо открывались. Прекратив наконец эти безуспешные попытки, разбуженный страхом мальчик поднялся с кровати.

Спать ему совсем-совсем расхотелось. Может, попить водички? Вдруг нагуляешь сон за то время, пока спустишься в гостиную, через неё сходишь на кухню и обратно...

На цыпочках подойдя к двери своей комнаты, мальчик аккуратно приоткрыл её и, когда появилась щель достаточного размера, протиснулся в коридор.

– ... тогда надо совсем заканчивать с этим... – донёсся снизу женский голос.

Это было неожиданностью. Чтобы лучше слышать, мальчик подался вперёд, к лестнице, ведущей на первый этаж, в большую гостиную.

– Совсем заканчивать? – переспросил мужской голос. – Шутка такая, да? Ну, ты иногда и впрямь самая что ни на есть...

– Не упрямясь! – потребовала женщина. – Как же ты не понимаешь!

– Вот я-то как раз всё правильно понимаю. Надо их обязательно уводить отсюда...

– Уводить?! – вскрикнула женщина. – Ради чего? И какой ценой?

– Я уверен, что за безопасность мира эта цена адекватна, и...

– Адекватная, да! – гораздо тише, но по-прежнему нервно произнесла женщина. – Только у нас между тем ребёнок случился. Ты не забыл об этом?

– Да знаю я! – вспыхнул и мужчина. – Чего ты опять начинаешь? Я помню, кто первым подал идею жить вместе и осесть...

– Я-то ничего, – прозвучал спокойный ответ. Судя по голосу, женщина взяла себя в руки. – Это ты у нас самый умный, всё лучше других знаешь.

– А вот не надо заводить эту старую песню! Я прекрасно понимаю степень риска и соображаю, что делать. Тебе ли не знать, что я далеко не вчера ходил первый раз...

– А что твой сын скоро забудет, как папа выглядит? Это понимаешь? – спросила женщина. – На рожон лезешь, как глупый пацан!

– Чего ты от меня вообще хочешь? – В голосе мужчины нарастало раздражение. – Чтобы я послал всех к чёрту и никого не водил? Мол, отвалите-ка вы куда подальше, а то жена меня уже запилила! Сама-то она уже не проводит, наоборот, привратницей заделалась, теперь и меня не пуска...

– Приближается новая перемена, которую я давно чуяла. – Женщина проигнорировала выпады в свой адрес. – Там всё меняется, становится чем-то совершенно иным, а значит, изменятся и желания – вместе с самими желающими... А если больше не сможешь вернуться? Об этом ты подумал?

– Если не я это сделаю, тогда кто? Не ты же... – Мужчина не стал дожидаться ответа и продолжил: – Куда тебе-то вести, мамочка наша, раз уж теперь привязана к дому и воротам?

– Другие, вот кто. Не всегда ж тебе срывать по первому зову! И без нас найдётся кому вести. Эх-хе-хе-е-е... – Женщина устало, протяжно вздохнула и добавила: – На каждое желание найдётся свой охотник... Но откуда у тебя взялась святая уверенность, что охотником в этом случае обязательно должен стать именно ты? Что это твой путь? Нужный проход, тот самый...

– Это моё. Я чую, – убеждённо ответил мужчина.

– Я не могу потерять любимого ещё раз. Жизнь, конечно, слишком длинна для одной любви... но для двух утрат любви... – в голосе женщины появились тоскливые ноты, – ох-хо-хо, не хватит даже такой длинной жизни, как у нас, и...

– В любом случае их я уведу, – перебил её мужчина. – Пойми же, я чувствую, этих нельзя оставлять здесь и сейчас, надо провести обязательно. А дальше посмотрим...

Услышав этот разговор, мальчик очень-очень расстроился. Вот зачем, зачем мама и папа ругаются? Разве они не понимают, что ссориться – нехорошо?

Сын не захотел больше слушать. Опустив голову, понурившись, он вернулся в свою комнату. О том, что хотелось попить водички, и думать забыл. Не надо сейчас спускаться вниз. Ещё отругают за то, что не спит. Когда родители начинают говорить всякие непонятные слова и ссорятся, лучше им на глаза не попадаться. Это бывает редко, но бывает.

Жалко, что бывает.

Грустный, удручённый всем услышанным мальчик залез под одеяло и закрыл глаза. Желание... Желание... Желание... Любимое слово родителей, раз они так часто его говорят.

«Интересно, а чего желает мама? Чего желает папа? Надо сегодня утром спросить у них, – решил сын и мысленно спросил у себя: – А чего желаю я?»

Ответ на этот вопрос он хорошо знал, искать не пришлось. Мальчик хотел быть таким же добрым и любящим, как мама. И таким же сильным, храбрым, умным, всё-всё знающим, как папа. И помогать людям выходить на правильную дорогу, как делает он.

А ещё сын хотел, чтобы у него на руке тоже был рисуночек с буквами... У папы рядом с ладошкой есть, и ему хочется.

00. Иначе

Дан задумчиво смотрел назад. Огни заставы быстро удалялись, прямо на глазах превращаясь в искорки. Командиру группы специальных операций наблюдать такое зрелище было привычным занятием. При различных форс-мажорах, которые на границе случались не так уж и редко, именно ему приходилось выезжать, а чаще вылетать в точки противостояния. С целью ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Но сегодня всё было как-то... иначе.

Неприятности начались с самого утра. Один из нарядов ночной смены охранения, который по расписанию должен был вернуться к семи часам, появился после десяти. В неполном составе, понеся серьёзные потери в стычке с нарушителями, пытавшимися пробиться наружу через спонтанную «сбой-калитку». Прореха ненадолго возникла на участке ответственности «стодвенадцатки», и ею попытались воспользоваться выродки. Кто-то из нелюдей, пожизненно заключённых внутри Зоны, оказался поблизости и почувал «дырку в заборе».

Вот же чёрт побери, пару лет назад подобных сбоев системы не было и в помине, а потом они появились, и за последние месяцы сплошные проколы то тут, то там. Реальность Зоны по инерции не прекращает попыток одолеть защиту людей, ищет всё новые пути распространения аномальной заразы. Вот теперь она вроде научилась надирать заградительную сеть, без специального разрешения не пропускавшую всё живое.

И пока что технари ничего не могут поделать с глючными сбоями Периметра. А ещё не удаётся пресечь расползание упорных слухов, что несанкционированные «окна» давным-давно случаются внутри самого Трота. В отличие от линии Периметра, где такие казусы начали происходить относительно недавно. Если признать правду, что просачивание далеко не вчера началось, это же сколько неучтённых перемещений могло произойти, страшно даже представить...

Среди погибших оказался хороший товарищ Дана. Прапорщик Тунцов, пограничник-ветеран, молоденьким «салабоном» служивший в те времена, когда Трот был фактически открытым. Ещё до катастрофических событий, из-за которых было принято решение снова полностью заблокировать российскую Зону Посещения... Кому Лёнчик теперь будет служить – известно разве что Всевышнему. Если этот якобы творец где-то ещё остался в пределах досягаемости. А то складывается стойкое впечатление, что покинул нафиг своё творение. Оттеснённый пришлыми силами, свалившимися со звёзд, бросил земной мир на произвол чужих богов.

Примерно так мыслил бы капитан Данилов, если бы не прозрел в своё время, если бы оставался на прежней стороне...

Позднее, уже после обеда, выяснилось, что из строя выбыли двое из группы Дана. Будучи в увольнительной, бойцы попёрлись аж в райцентр оттянуться в каком-то клубешнике и траванулись наркотой. Идиоты! В контингенте заставы и без того негусто стойких адаптантов, способных преодолевать Периметр туда-обратно и возвращаться в добром здравии, не затронутыми зонным влиянием, а эти болваны в госпиталь на реабилитацию загремели! Теперь минимум пару недель не появятся в расположении.

И чтобы житуха уж вовсе не казалась райской, с базы юго-западного погранотряда поступила информация о возможном несанкционированном использовании одного из штатных «окон». Пробой сквозь Периметр, опять же расположенный здесь, на участке 112-й заставы. Для проникновения в Зону неким нарушителем предположительно был откупорен и задействован постоянный пограничный переход... Вот ведь! Кому-то неймётся вырваться наружу из ямы Трота, а кого-то хлебом не корми, дай только в неё свалиться!

Теперь, вечером, в командном корпусе заставы экстренный аврал: штабисты суетятся, что-то придумывают, но толку никакого. Там пока что никто и приблизительно не понимает, как разгрести инцидент.

Да уж, заварилась кашенция та ещё, крутая, шрапнельная. По всем показаниям датчиков проход не использовался. Но безопасники твердят, что дырка в сети защиты приоткрылась, и перемещение состоялось – у них, дескать, агентурные разработки. Значит, помог нарушителю кто-то из своих, пограничных? Пропустил и зачистил данные приборов активации и слежения...

Что ни говори, события дня как бы пытались подсказать, что будет иначе, не как обычно, но капитан Данилов, к своей великой досаде, подсказки сразу не услышал.

Обуянный служебным рвением, он настолько сильно возжаждал изловить предполагаемого перемещенца, что с воодушевлением приступил к исполнению приказа командования и в буквальном смысле первым забрался в транспортный винтокрыл. И лишь в брюхе летательного аппарата Дана начало беспокоить ощущение какой-то «неправильности» происходящего сегодня. Это берedaющее ощущение поневоле вогнало в задумчивость.

– Порядок, командир?! – из-за рокота турбины особо любопытному лейтенанту Шалиновскому пришлось свой вопрос прокричать. Защитных наголовников с коммуникаторами они ещё не надевали.

– Да! Просто не выспался! – ответил Дан.

Соврал. Не потому, что ни с кем не хотел делиться тревожным ощущением. Дело совсем в другом: подчинённые должны быть уверены, что летят на самое обычное задание. В противном случае они тоже будут думать лишнее и волноваться. В общем, делать то, чем бойцам заниматься не положено.

Дан глянул на часы. Согласно информации безопасников, проход должен был пропустить нарушителя около получаса назад.

– Далеко не уйдёт, – буркнул Дан себе под нос.

Лидер группы сосредоточился и в уме стал прикидывать наиболее оптимальные схемы поиска.

Инфопанель над десантным люком, горевшая весёленьким сиреневым светом, потемнела и стала хмуро-фиолетовой, предупреждая о приближении кромки первого круга. Но граница и без того напомнила о себе знакомым ощущением, волной озноба, окатившей тело на секунду и схлынувшей. Это потому что у Дана высокая степень адаптивного иммунитета, и его организму почти не угрожает смена жизненной реальности. По крайней мере разница между Большой землёй и внешним кругом Трота точно не...

Сооружённый ещё при Союзе железобетонный исполинский Вал, впоследствии нашпигованный достижениями современной технологии, остался где-то там, внизу, позади; теперь и незримая линия начала территории собственно первого круга проплыла внизу; ещё несколько минут погружения в ночь, и наконец инфопанель вспыхнула ярко-синим, что означало «прибытие на место»¹.

¹ Эта книга является продолжением «сталкерского» цикла Сергея А. Вольнова и напрямую взаимосвязана с остальными романами о российской Зоне Посещения: Сергея А. Вольнова и Владимира Колчина «В спящем режиме» и «Плата за выход», Сергея А. Вольнова и Евгения Смагина «Заложники небес», Сергея А. Вольнова «Должник», которые необходимо обязательно прочитать для понимания сути происходящего (все – серия СТАЛКЕР, цикл [Зона Посещения]). Также для улавливания смысла всех деталей происходящего понадобится узнать содержание романа Сергея А. Вольнова «Прыжок в секунду [Зона будущего]» и ознакомиться с героями и событиями романов об Ареале Визита: Сергея А. Вольнова и Евгения Смагина «Предел желания [Радиянт Пильмана]», «Испытание силой [Зона Посещения]» (все – серия СТАЛКЕР издательства АСТ). У читателей, не знакомых с общей предьсторией событий, к тому же имеется возможность в подробностях узнать всё, что происходило с героями ещё раньше, из книг Сергея А. Вольнова «Ловчий желаний», «Zona Incognita» и «Режим Бога» (серия «S.T.A.L.K.E.R.» издательства АСТ). Смысл появления некоторых персонажей и поворотов сюжета книги «Рождённые помнить» без знакомства с изначальной трилогией понять невозможно... И, конечно, всем, кто ещё не успел, непременно следует прочесть повесть братьев Стругацких «Пикник на обочине». Чтобы не теряться в догадках по поводу некоторых фактов и обстоятельств. Да и просто потому, что это легендарное произведение более чем заслуживает прочтения. (Хронологический порядок публикации и чтения книг цикла: 1. «Ловчий желаний»; 2. «Zona Incognita»; 3. «Режим Бога»; 4. «Предел желания»; 5. «Прыжок в секунду»; 6. «В спящем режиме»; 7. «Плата за выход»; 8. «Испытание силой»; 9. «Заложники небес»; 10. «Должник»; 11. «Рождённые помнить», 12...) (Прим. автора.)

Буквально через секунду личный состав уже был готов к спуску. Оснащённый функцией распознавания «свой-чужой» винтокрыл мог беспрепятственно пролетать над Периметром, и потому его не уничтожал карающий огонь. Только «свои» имели право пересекать границу.

Снова первым, нарушив установленный порядок, вниз пошёл командир. Уж очень ему не терпелось приступить к поиску.

Как только рифлёные подошвы ботинок коснулись поросшей травой почвы, Дан, чтобы не угодить под тяжёлую обувь уже спускавшихся по тросам подчинённых, сразу же отскочил в сторону. Ровно через восемь секунд шестеро мощных, экипированных и вооружённых до зубов бойцов стояли на окраине леса. Ещё раз, следуя предписаниям, они произвели инспекцию снаряжения и оружия, затем перегруппировались в «солнышко» и скрытно, не производя ни звука, двинулись.

Пятеро взяли на себя по отдельному сектору обзора, шестой же крался вслед за ними. В его задачу входил контроль происходящего в тылу, за собственной спиной, а следовательно, и за спинами товарищей. Вот отчего и прозвано было такое построение «солнышком»: замыкающий сзади – светило, идущие впереди – лучи.

* * *

Первое, что он почувствовал, очнувшись, вынырнув из беспомощности, – тяжесть в груди. Человек судорожно открывал рот, будто вытасканный из воды и брошенный на песок рыба. В широко распахнутых глазах заматались «мушки» разных цветов, мышцы одеревенели... Наконец воздух со свистом засосало в глотку, а уже оттуда – в трахею и лёгкие. Стоило организму получить необходимый ему кислород, и человеку сразу полегчало. Жжение в груди, звон в ушах, ломота в мышцах... Сейчас всё это вызывало животную, неподдельную радость. Наверное, такой же восторг от вдоха испытывает новорожденный.

Человек дышал жадно. Будто ему сказали, что воздух вот-вот закончится и перед смертью осталось только одно – надышаться, и уже совершенно не колыхает утверждение, что это невозможно.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем понял наконец, что лежит на чём-то сыром и мягком и при этом смотрит в небо, испещрённое яркими звёздами. От осознания этого факта его встряхнуло так, что он резко подскочил, прикусив язык, поднялся на ноги и растерянно огляделся.

Ничего необычного человек не заметил, кругом ночной лес. В общем-то для большинства нормальных людей оказаться ночью посреди леса далеко не обычное времяпрепровождение, но этот человек воспринял случившееся очень спокойно. Как будто ему ночной лес давно был привычен, только вот он не мог вспомнить, почему так вышло.

Воздух... Далеко не с первого вдоха растерянный человек обратил внимание на странные запахи. Окружающая атмосфера сильно отдавала озоном, а когда подул ветерок, к озоновому запаху примешался смрад гнили.

Человек поморщился и, прислонившись к стволу ближайшего дерева, попытался вспомнить, как же тут оказался. Впрочем, полностью отрешиться от окружающей среды он себе не позволил. Его чувства оставались «здесь и сейчас»: зрение, слух, обоняние, осязание напряжённо изучали обстановку...

Как ни старался, ничего конкретно он вспомнить не смог. Озарения не случилось.

Осознав это, человек решил, что пора бы испугаться всерьёз. Ещё бы! Очнуться в лесу и не помнить, как оказался в ночи среди деревьев, не понимать, кто ты есть, и не быть в курсе, что вообще происходит...

Но, к своему удивлению, он легко, даже слишком легко принял сам факт потери памяти.

Почему так? То ли ему по жизни плевать на всё, то ли амнезия случается не впервой, то ли психика попросту крайне устойчива к стрессам разного рода.

Растерянность он испытал, да, но страха, в принципе нормального для городского жителя, вдруг заброшенного в ночной лес, почему-то нет и в помине...

Теряясь в догадках и пытаясь понять причины лёгкости смирения с текущей ситуацией, человек машинально сунул руки в карманы куртки. Правый карман был пуст, а вот в левом – неполная пачка сигарет и зажигалка. Человек обрадовался, достал пачку, сунул в зубы сигарету и чиркнул зажигалкой. После нескольких затяжек он понял, что курит давно – курильщик со стажем делает глубокие и частые тяги. Именно так и он хватал порции дыма.

Затушив окурок о кору дерева, человек сунул руки в карманы, отлепился от ствола и неторопливым, можно сказать, прогулочным шагом отправился куда глаза глядят.

– Я почти счастлив, – пробормотал он сам себе вслух. – Ни задач, ни проблем... Ничего не помню! Если б ещё не гнилой запах, было бы...

Что именно было бы – осталось для него загадкой, потому как сзади оглушительно грохнуло. Человек резко обернулся и обомлел – позади запылало ярким белым светом.

Вот теперь он не на шутку перепугался!

Сообразив, что надо бы немедленно делать ноги, человек уже собрался было побить мировой рекорд по бегу, но не успел даже стартовать. Перед глазами внезапно появился сжатый кулак, и эти сомкнутые для удара невесть откуда возникшие пальцы летели прямо в его лицо...

Что произошло дальше, он и сам понял не сразу.

Удара не случилось. Человек неожиданно для самого себя резко отклонил туловище назад, из-за чего кулак всего лишь рассёк воздух в том месте, где мгновением ранее находилась его голова. Схватив чужую руку за запястье и предплечье, он потянул её на себя, одновременно поднимая вверх свой левый локоть.

Напавший на него, увлекаемый своей собственной рукой, зажатой в тиски хватки, подался по направлению к человеку, и в следующую секунду правый глаз ударившего по инерции «насел» на локоть несостоявшейся мишени для атаки кулака.

Сила и скорость этого «наседания» получились до того большими, что и обладателю локтя, и обладателю глаза впору было узреть натуральные искры, вылетевшие из точки соприкосновения.

Кулачный боец мог бы закричать от дикой боли, мгновенно распространившейся от поражённого глаза до шеи, но человек, не пожелавший стать мальчиком для битья, тотчас зажал ему рот, будто категорически не желая услышать страдальческий крик.

Дав отпор, он не стал ждать, когда противник очухается и попытается взять реванш. Воспользовавшись моментом, нанёс рубящий удар ребром ладони по переносице. Хруст ломающихся хрящей сообщил, что в ближайшее время ничей кулак повторно не прилетит наверняка.

Что самое воодушевляющее, от растерянности не осталось и намёка!

Осмотрев поверженного противника, человек завладел его оружием. Непонятно почему, но это была... самая настоящая дубина! Никакого ножа и тем более пистолета не нашлось. Причём одежда, которая прикрывала тела нападавшего, очень смахивала на бутафорский костюмчик. Этакая кожано- меховая «от кутюр», пошитая для съёмок фильма про какое-нибудь мало цивилизованное племя...

Интересно, если бы этот одичавший тип не кулаком замахнулся, а битой, удалось бы избежать первого удара, способного отправить в нокаут? И как следствие стать добычей. Пленником в лучшем случае или тушкой, насаженной на вертел, – в худшем.

Осознание, что он способен за себя постоять, придало человеку определённую уверенность: несмотря на отсутствие внятного объяснения, что он вообще тут делает, есть шансы выкрутиться из передраги.

Взвесив в руке палку, заметно утолщавшуюся к одному из концов, он огляделся, выбрал направление и зашагал прочь, подальше от места схватки. Успел пройти метров двадцать, когда откуда-то справа до него донёлся сначала звук выстрела, а потом громкий мужской крик. Человек счёл правильным отскочить за ближайшее толстое дерево слева по ходу движения, перевёл дух и осторожно выглянул из-за ствола.

Свет, вспыхнувший там, откуда человек шёл, уже погас, и, напряжённо всматриваясь в тёмные заросли, он вдруг явственно ощутил близкое присутствие живого существа.

* * *

Клутер, опытный и бесстрашный, привычно воспринял треск воздуха и яркое, молочного оттенка полыхание. Его более молодые напарники, схоронившиеся в кустах неподалёку, замерли, когда услышали треск и увидели свет, но справились с испугом, выскочили из скрывавшей их растительности и помчались между древесных стволов. Заметили, понял Клутер и поднялся из углубления в почве, послужившего ему укрытием.

Он увидел обнадёживающую картину, когда догнал своих товарищей. На небольшой прогалине, полностью свободной от деревьев и кустов, стояла женщина. В темноте Клутеру не удалось толком рассмотреть её. Но перепутать он никак не мог.

Женщина!

Охотник даже перестал дышать, чтобы не обнаружить своё присутствие раньше времени.

Вот что называется везением!

Женская фигурка застыла без движения и выглядела такой хрупкой и беззащитной посреди холодного ночного леса... Однако Клутеру и в голову не взбрело бы укутать это милое существо в тёплый мех и напоить травяным настоем. Он, так же как и его сотоварищи, поднял и выставил перед собой ударное оружие.

– Стоять! Руки вверх! – не выдержав, крикнул один из его напарников, выскочил на поляну и для пущей убедительности широко взмахнул дубиной. Вот дурак молодой, поспешил...

Женщина не подчинилась; наоборот, дёрнулась, отмерла и задвигалась. Ей понадобилось лишь мгновение, чтобы оценить ситуацию... Она резко присела, одновременно заводя руки за спину.

Они не видели её рук всего лишь мгновение. Но женщине этого оказалось достаточно, чтобы вооружиться. Обрато руки показались не пустыми. Заметив в её ладонях блеснувший металл, оба товарища Клутера, издав боевой клич, бросились на поляну.

Женщина неожиданно повела себя странно... Она вскрикнула и резко, конвульсивно содрогнулась. Её правая рука обмякла, повисла плетью и выронила пистолет. Но другая рука не опустилась, и её пальцы успели сжаться... Раздался выстрел. И если бы не эта короткая, следовавшая за вскриком судорога, то выпущенная пуля, возможно, поразила бы коренастую фигуру, увешанную амулетами. Левая рука сместилась вверх и влево перед тем, как выстрелить, и женщина промахнулась.

Товарищ Клутера, заходивший справа, пробормотал ругательство и, подскочив к женщине, замахнулся дубиной.

– Стой!!! – выкрикнул Клутер. Наверное, на весь лес.

Его товарищ так и застыл с поднятым кверху оружием, чем не замедлила воспользоваться женщина. Увернувшись, она выгнулась, изловчилась и ударила ногой в пах подскочившему. Товарищ Клутера коротко ойкнул, выронил дубину, рухнул на траву, сжался в клубок и тоненько заскулил... Совсем неопытный.

Второй, что заходил с другого боку, тоже попытался ухватить добычу своей ручищей. Женщина снова уклонилась и, поднырнув под конечность, ногтями вцепилась в физиономию

другому товарищу Клутера. От боли тот отпрянул назад... и его ступня угодила в небольшую ямку. Споткнувшись, напарник потерял равновесие и начал падать...

Потерять-то потерял, да вот дубиной махнуть успел. Размашисто, чуть было не испортил товарный вид...

Женщине повезло, что удар пришёлся по касательной. Иначе она не отделалась бы царапинами на боку. Яростно зашипев, добыча развернулась на месте – наверняка успела засечь появление всех мужчин и сейчас искала последнего из них, третьего.

В подобных случаях Клутер обычно не стремился действовать аккуратно. Вот и в этот раз он просто взял и без церемоний свалил женщину с ног. Пусть радуется, что не врезал изо всех сил.

– Давай верёвку! – потребовал Клутер.

– Щас, щас! – протараторил его оступившийся напарник, копаясь в походном мешке.

Когда он достал путы, Клутер выхватил из его рук моток стеблевой плетёнки, присев на одно колено, завёл за спину руки женщины, валяющейся без сознания, и крепко связал их.

– О, Брунт встал! – сказал товарищ, подымаясь на ноги и набрасывая лямку походного мешка на плечо.

– Лучше бы мозги у него встали, – буркнул Клутер, – на место.

Он тоже поднялся на ноги, бросил взгляд по сторонам и спросил напарников:

– Вайднам-то куда подевался?

– Выслеживает... того, что первым появился из света, – запнувшись, ответил тот из них, чьё мужское достоинство пострадало. Боль ещё не скоро отпустит его.

– Долго нет Вайднама, – озабоченно произнёс Клутер.

В ответ лишь пожимание плечами. Молодые, малоопытные, что с них взять. Вот первую зиму переживут, тогда поумнеют. Если удастся дожить до следующей весны. Рождаются-то все ксеры каждую весну с одинаковыми исходными данными, а вот дальше кому как повезёт. Многие вёсны увидеть далеко не всем суждено. Удачливость – это наживное, с опытом приходит, по мере движения. Или не приходит.

– Тащите суку к нам, а я схожу поищу...

Клутер стоял, замедлив дыхание, и прислушивался к ощущениям. Сначала он ничего не различал, но с каждой секундой, проведённой в состоянии обострённого, подстёгнутого восприятия, окружающее пространство заполнялось отдельными звуками, запахами, отсветами окрестных энергий, следами промелькнувших здесь жизнью, и разве что Всевластная знает, чем ещё.

Ощущений нахлынуло до того много, что можно было попросту растеряться, но Клутер знал, как выдерживать напор, и, что самое важное, умел фильтровать поступающую информацию. Пение сверчков, ласкание листьев ветром, запахи прелой травы и сырой земли, смрад резкий, щипающий ноздри, раздражающий глаза... Клутер знал, что так воняет. Сгоревший табак. Смрадное зелье, появляющееся там, где прошли челы, рождённые в Запределье. Точно не ксеры.

Клутер появился на свет и выживал здесь, внутри Пределов, поэтому ступал он бесшумно. А вокруг – никаких новых или необычных звуков. Подозрительно... Может, не стоило одному уходить. Позвать напарников? Но Клутер всё же отказался от этой идеи. Нельзя показывать свою неуверенность молодым.

Ну и куда, спрашивается, подевался этот белкин хвост Вайднам?! Не провалился же сквозь землю! Всякое с ним случалось раньше, это да, однако бродяга же опытный, не юнец какой-нибудь. Три зимы пережил! Эх, и зачем он удумал отделяться от группы...

Клутер, мысленно обкладывая Вайднама бранью почём зря, двинулся вперёд. Придётся совершить обход подозрительно тихого участка местности.

И успел шагнуть от силы десятков раз. На очередном шаге замер с поднятой ногой. Он почувствовал присутствие чужого человека, и не просто тепло живого тела, а резкий запах пота, смешанный с кисловатым ароматом свежей крови.

Не опуская поднятой ноги, Клутер повернулся на второй пятке, перенаправив тело левее. Ощущения твердили, что именно там, в гуще деревьев, находится источник тревожного, угрожающего присутствия.

Ощущения донельзя странные, царапающе-холодящие, переполнили Клутера. Как-то не так всё складывалось сегодня. Непривычно, по-другому. Вот о чём невольно подумалось Клутеру, когда он бесшумно скользнул в том направлении...

Действительно, по-другому. Лучше не скажешь. Ещё бы! Вайднам, далеко не худший из ксеров, неподвижно лежал, распостёртый на земле, да ещё и с разбитым носом.

На какой-то миг Клутер решил, что обознался, благо в ночном лесу это запросто даже с его чутьём и опытом. Поморгав, он сделал шаг вперёд и ещё раз взгляделся в лежащее перед ним, аккурат возле ствола дерева тимаи, тело.

Вайднам. Точно.

* * *

...Он бесшумно переместился на следующий сук и замер. Наблюдая за крепким мужчиной, подошедшим к неподвижно лежащему телу, улыбнулся. Себе. Вернее, своему чутью. Он не знал, почему решил затаиться в пышной кроне дерева с целью понаблюдать за «выключенным» противником. Мог лишь предположить: наверное, что это забытое, но пережитое, опыт сказывается. Подсознание не подводит в отличие от сознания.

Крепкий мужчина что-то сердито пробормотал, склонившись к лежащему, затем резко распрямился и повёл головой, осматриваясь по сторонам.

Определённо, этот мужчина – боец опытный. Такой вывод сделал человек, замерший на дереве. Движения, манера держаться... Всё свидетельствовало об этом. Когда мужчина начал ощупывать взглядом это самое дерево, спрятавшийся в ветвях человек совсем перестал дышать и вообще постарался прикинуться неживым. Даже глаза закрыл... Поднял он веки и позволил себе сделать вдох лишь после того, как услышал донёсшееся к нему раздосадованное бормотание. Сколько к этому моменту прошло времени, он понятия не имел. Может, секунд десять, а может, целая минута.

– Савтафай, Вайднам! – едва различал он звуки, доносившиеся снизу. – Отк атк етя?!

Человек на дереве сделал вывод, что не слабо нокаутировал того, кто сейчас распостёрся на земле. Раз уж тип до сих пор не приходит в себя... Неужели убил?!

Услышав протяжный, мучительный стон, человек на дереве вытянул вперёд шею, чтобы получше рассмотреть двоих внизу.

Очнулся, отметил он. Не убит, значит.

Оклемавшийся чуть приподнял голову, разглядел нависшего над ним второго и опять сдавленно застонал. Крепкий мужчина осмотрел его, достал из рюкзака за своей спиной нечто похожее на обрывок светлой ткани и приложил к лицу лежащего. Что-то спросил у первого, но тот молчал, судорожно втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Да, нокаут получился хороший, раз у парня так болит...

– Вайднам! Отч базз? – не унимался опытный боец. – Отэ отт репыен?!

Лежащий сделал попытку кивнуть, но после движения головой снова застонал.

– Хэ ыт, Вайднам... – уже совсем не сердито, скорей снисходительно произнёс крепкий мужчина. – Ыт еж тыпыной инов.

Затем он ещё раз ощупал панорамным взглядом окружающую среду и сплюнул. После этого отлепил обрывок ткани от головы лежащего, помог тому подняться и пристроил его левую руку себе на шею.

Почти в обнимку двое мужчин поковыляли прочь.

Человек, прятавшийся на дереве, счёл, что уже можно, и начал спускаться по стволу.

Спускаясь, по ходу он размышлял.

Вайднам. Вайднам... Это что? Имя такое? Или, может, ругательство? И на каком языке они говорили?

Он почему-то был уверен, что много где побывал раньше. Но ни в одном из мест, посещённых им, ничего подобного не слышал. А может... здесь другое измерение? Этот, как его... параллельный мир?..

Человек продолжал строить предположения, но при этом не забывал напряжённо следить за окружающей обстановкой.

Ему вдруг вспомнилась книга, один из героев которой, весь из себя крутой спецназовец, оказался неизвестно где и столкнулся там с первобытными людьми, ниндзя и чёрт знает с кем ещё.

«Ну, это ты загнул! – осадил он себя. – Вспомни ещё про гигантскую блоху, пуляющуюся лазерами... Стоп. А что, собственно, за блоха такая?» На этот вопрос он не знал ответа. Вернее, не помнил. Как и не помнил, почему ему хорошо известно про разные страны и про книгу.

«Забавно получается. Русский, английский, украинский... немного французский, немецкий, испанский, арабский... я знаю. А вот откуда? – удивлялся он. – Может, я турист? Полиглот? Искусствовед?..»

Спустившись с дерева, человек твёрдо решил вспомнить всё, потому как был уверен, что в памяти его есть, есть ответы на все-все интересующие его вопросы. И он почти не сомневался, что там скрыта информация об этом далеко не безопасном лесе и о причине, по которой он здесь очутился.

* * *

...Дан снова прислушался. Вот, ясно же, всё не так, не так всё сегодня! Вон даже обычные насекомые, что водятся поблизости от границы, во внешней части первого круга, звуков не издают.

«Сверчки не поют!»

Осознание факта ударило в голову, как неслабый джеб.

«Ползучая ржавчина? – предположил капитан Данилов. – Но почему в таком случае не тронута растительность?..»

– Движение, – вывел Дана из невольного оцепенения голос одного из напарников. – Юго-восток, сорок метров.

– Барс, Гаврил, впереди, – распорядился Дан.

Двое крупных мужчин, приблизительно одинакового роста и комплекции, бесшумно сместились в центр и устремились на юго-восток. Остальные четверо разбились на пары и, контролируя окружающую территорию, последовали за ними. Не прошло и минуты, как все шестеро услышали внезапный звук.

Группа в одно мгновение слилась с растительностью. Совсем близко что-то большое ворочалось и утробно урчало. Наконец аморфная масса размером с автомобиль отделилась от почвы и медленно поплыла в сторону, противоположную Периметру. В глубь Трота.

– Во блин... Откуда здесь пластилиновый слизень? – спросил лейтенант Костя Седых, самый молодой из всех. – Они ж в первом круге вроде не водятся.

– Ты бы лучше спросил, куда подевались птицы, – прокомментировал увиденное старлей Николай Кулишов.

– И сверчки не поют... – пробормотал Дан.

– Да, кстати. Чего так тихо? Будто вся живность свалила отсюда... Прямо как перед травлей.

– Сегодня всё иначе... – тихонько, себе под нос, констатировал не на шутку озадаченный капитан. – Эта куча липнет, наваливается и обволакивает, – заметил он громче по поводу слизи, – чтобы переварить.

– Тогда почему она не дождалась, когда мы подойдём ближе? – спросил другой лейтенант, Жека Шалиновский.

Старший прапорщик Гаврилов, по своему обыкновению, не встревал. Его традиционный напарник прапорщик Барсученко тоже говорливостью не отличался. Эти двое здоровяков перешли в зонные погранцы из десантуры; и хотя отслужили там в совершенно разных подразделениях, закономерно, что скорешились.

– Её кто-то или что-то спугнуло, – проворчал старлей. – Недоступное нашему восприятию.

– Рассредоточиваемся, – приказал капитан Данилов. – Вперёд, парни.

* * *

«ИНФИЛЬТРАЦИЯ СОСТОЯЛАСЬ ПО ПЛАНУ. ПРОШЁЛ».

«ПРОВАЛИМСЯ В ХОДЕ ОПЕРАЦИИ, НЕ СНОСИТЬ НАМ ГОЛОВ...»

«ЕСЛИ ПРОВАЛИМСЯ, ГОЛОВЫ СЛЕТЯТ У ВСЕХ, ДАЖЕ У ТЕХ, КОМУ ГОЛОВА НЕ ПОЛОЖЕНА В СИЛУ СТРОЕНИЯ ОРГАНИЗМА».

«ЗАГОНЯЛИ ЕГО, КАК ПЛАНИРОВАЛОСЬ, ЧТОБЫ НЕ ДОГАДАЛСЯ? ОН УВЕРЕН, ЧТО САМ РЕШИЛСЯ?»

«ПОЧТИ НАВЕРНЯКА ДА».

«ПРЕКРАСНО! ПО ЭТУ СТОРОНУ УЖЕ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ ЗАЛОЖЕНЫ. ВЛЯПАЕТСЯ, НИКУДА НЕ ДЕНЕТСЯ...»

* * *

...Заслышав зловещее урчание и неопиcуемый никакими словами то ли шелест, то ли хлюпанье, человек прижался к стволу ближайшего дерева и вдруг испытал острое чувство дежа-вю. А когда он увидел в ночном небе летящую прямо на него хреновину, нечто вроде огромного продолговатого комка глины, дежа-вю сделалось ещё более острым. Света звёзд вполне хватило, чтобы подробно рассмотреть объект.

Человек закрыл глаза, задержал дыхание, выбросил из головы все мысли. Одним словом, «переквалифицировался» в объект неживой природы. И это принесло результат! Летящая пакость миновала его позицию и отправилась дальше по своим неведомым делишкам.

– Чё за херня-то? – раздражённо прошептал он вслух. Вопрос, надо заметить, очень даже в тему получился.

Теперь человек стал ещё более осторожен. Он почему-то был уверен: увиденная им летучая хрень – это было так, на разогрев. «Что за места?! – терзал он себя безответными вопросами. – То людишки какие-то непонятные, то летательный объект, на глюк похожий... Куда я попал? Куда мне идти?..»

Человек остановился и запрокинул голову к небу, будто оно знало ответы на все вопросы.

Да, только сейчас он обратил внимание на то, под чем «все ходят». И замер, поражённый. Такое ночное небо он видел впервые. Чёрное полотно, усыпанное миллиардами бриллиантиков звёзд.

Он смотрел и никак не мог понять, что его смущает.

Звёзды? Нет. Он помнил их. Вроде обычное ночное небо... Звёзды... Сплошные звёзды... А ведь... Именно они смутили его.

Человек попытался найти объяснение этому кажущемуся совершенно зряшным беспокойству.

«Что там ещё бывает в небе, кроме тьмы и звёзд... Может... э-э-э... северное сияние? Вспомнить бы, что оно такое, северное сияние...»

Он медленно поворачивал голову, осматривая ночное небо, будто надеялся отыскать в нём утраченные воспоминания.

Внимательно изучив всё, доступное взгляду, человек вдруг осознал, что этой красивой природной картине не хватает чего-то существенного. И недостающая деталь где-то здесь, рядышком. Человек зло выругался. Ещё бы! Видишь недостаток, но вот причину его назвать не можешь.

Пытаясь отыскать причину, человек напряг память. Брови сдвинулись к переносице. И... Перед мысленным взором вдруг появился зависший над головой кругляш жёлто-серебристого цвета гораздо больших размеров, чем самая яркая звезда...

Лунный диск!

Луна отсутствовала. Ни круглой полной, ни даже самого завалящего, тоненького полумесяца там не было. Можно было, конечно, предположить, что сейчас новолуние или что спутница планеты просто скрылась за облаками.

Но почему-то моментально окрепло убеждение, что привычного лунного зрелища в здешних небесах нет и не предвидится. Если там что-то и есть выше облаков, то яркого света от него не дождёшься.

«Куда я попал?!»

От возможных вариантов ответа на этот вопрос человеку стало страшно.

«Здесь всё иначе...»

Иначе – тревожное слово, окутанное туманом неизвестности.

Он затравленно огляделся. «Что за местность вокруг? Каким образом довелось сюда попасть? Кто я есть такой?»

Вот они, животрепещущие вопросы. Именно в таком порядке.

Человек схватился рукой за ствол дерева и шумно выдохнул. Потом закрыл глаза и попытался привести в порядок лихорадочно возникающие в голове мысли. Переместив ладонь по стволу, человек услышал негромкое «чвак!». Отдёрнув руку от дерева, он попытался рассмотреть свои пальцы, вернее, то, во что они вляпались. Тёмная вязкая масса без запаха.

«Может, смола? – предположил испачкавшийся. – Но у деревьев вроде не такая смола. Или такая? – Он засомневался, перетирая в пальцах остатки маслянистого вещества. – Я не помню... Да и какая разница? Если нет лунного света, о чём вообще говорить... Я где угодно, но только не в мире, где живу...»

В этот момент человек окончательно уверился в том, что попал в другой мир. Хотя сам не понял, откуда взялась бесповоротная уверенность.

Он даже вздрогнул, поражённый невероятным осознанием, и вдруг явственно ощутил воцарившуюся тишину. А заодно и свою беспечность. Быстро вытерев измазанные пальцы о древесный ствол, человек пригнулся и бесшумно проследовал к ближайшим кустам. Обойдя их, присел на корточки и, ухватившись за ветви, расслабился. «Твоё тело не должно быть напряжено. Напряжение могут учуять враги, и тогда уже никакая маскировка не поможет...» –

всплыло вдруг из глубин его памяти. Человек не помнил, кто ему такое говорил, но слился с кустами и принялся ждать.

Ждать пришлось недолго. Вооружённые до зубов мужчины появились и проследовали буквально в трёх шагах от него. Двигались они настолько слаженно и тихо, что прятавшийся за кустами человек даже сначала посчитал их плодом своего воображения. «Нет, нет, они реальны, – мысленно убеждал он сам себя. – Галлюцинации не могут быть настолько правдоподобными...»

Его они не засекли, что было даже странно, ведь у хорошо экипированных военных, по идее, должны же быть какие-то технические средства обнаружения.

Сосчитав – шестеро! – и проводив их взглядом, затаившийся человек ещё долго не мог решиться продолжать движение. Вопросы мельтешили в черепной коробке, как вспугнутые бабочки: «Кто они?! Что им здесь нужно?! Чем они заняты?!» Ему вдруг захотелось окликнуть вооружённых, задать им эти вопросы, измучившие его, но человек всё-таки передумал. Уж слишком слаженной и уверенной, а потому вдвойне опасной выглядела эта группа, скользящая в ночном лесу. Такие вояки с внезапным незнакомцем, вылезшим из кустика, мило не побеседуют. Тем более по какой-то причине не засечённым их техникой.

Пытаясь упорядочить мысли, он начал считать. Дойдя до трёхсот, наконец-то выбрался из гущи ветвей спасительного куста, прикрывшего от нежелательного контакта с опасностью, и отправился прочь куда глаза глядят. Он был, мягко говоря, шокирован. Потеря памяти, неведомый дикарь, напавший на него, безмолвные с оружием, небо без лунного света... По-другому. Всё по-другому.

Теперь он перемещался крайне настороженно, потому как недавние события, участником и свидетелем которых довелось быть, убедили его, что здесь всегда стоит держаться начеку. Если хочешь остаться среди живых.

По мере приближения к толстому, закрученному в спираль дереву человек увидел поднявшихся в воздух мушек. Насекомые эти светились умиротворяющим изумрудным светом. Как сказочные мотыльки в мультиках... «Ничего себе!» – чуть было не воскликнул он вслух.

Но вместо этого...

– А-а-а-а-а!!! – невольно вскрикнул человек, когда его дёрнуло и резко потащило вверх.

Это произошло настолько быстро, что он даже не понял, почему висит вниз головой. Но стоило отдать ему должное – не стал звать на помощь и пытаться понять, что произошло. Вместо этих бесполезных и чреватых напрасной тратой времени занятий человек попытался высвободить из тугой петли свою левую голень.

Пойманный в силоч начал раскачиваться, для того чтобы суметь дотянуться руками до петли или сука, на который он оказался подвешен. «Ещё! Ещё чуть-чуть!» – подбадривал он себя.

– Тиахвит ятьсам! – раздался недовольный голос. Совсем рядом.

Человек опустил руки и попытался ухватиться за траву, вцепиться в землю, чтобы остановить своё раскачивающееся будто маятник тело. Он понял, что должен обязательно рассмотреть обладателя голоса.

– Язр ен ливастоп кушулов! – довольно произнёс тот. – Ишойрох волу!

Качавшийся к этому моменту всё-таки остановился и сумел развернуться лицом к обладателю голоса. Но яркие звёзды, как назло, в эту минуту скрыла облачная дымка, и в почти полной темноте он толком не увидел ничего. Очень плохо! Человек точно был уверен, что от этой встречи ничего хорошего ждать не стоит.

– Отийс! Ен саягася! – рывкнул неизвестный, и сразу после этого раздался характерный звук рассекаемого воздуха. На жертву, висящую в петле, замахнулись, чтобы ударить...

Для человека эта угроза послужила сигналом к действию. Схватив нащупанный камень, валявшийся в траве, он запустил снаряд в силуэт с палкой. Ойкнув от удара камнем, обладатель голоса попятился, но тотчас собрался и, зарывчав, снова угрожающе вскинул свою дубинку...

Висящий на суку человек начал извиваться и зашипел, будто змея. Он тянулся к лежащему на земле обломку ветви, угадываемому в сумраке, однако тот оставался вне зоны досягаемости. На охотника все эти телодвижения не произвели весомого эффекта. Он просто переместился, зашёл за спину добыче, и когда висящий человек попытался заехать ему локтем, взял, да и перетянул его по спине хлёстким ударом.

Заполучив обжигающую боль между лопаток, человек едва не взвыл. На миг эта боль затемнила сознание и заглушила чувства. Для охотника мгновения было достаточно: воспользовавшись тем, что жертве не до сопротивления, он пригнулся и аккуратно, не желая убивать, ткнул висящего в затылок концом палки. Само собой, пойманный в петлю обмяк и, безвольно уткнувшись кончиками пальцев в землю, качнулся туда-сюда, как отпущенная марионетка.

Охотник, довольный собой, стукнул палкой по стволу и полез на дерево. Развязав узел на суку, сбросил жертву в траву. Спустился и, взвалив на себя бесчувственное тело, устремился напрямиком в заросли.

* * *

...Ещё до того, как задать вопрос, капитан успел определить направление звука.

– Слышали?..

Не ожидая подтверждений от бывалых бойцов, Дан указал жестами направления, по которым следовало двигаться каждой двойке, и, перехватив винтовку, стартовал первым.

«Крик. Это кричал нарушитель, бесспорно, – размышлял командир группы по ходу движения. – Может, до него добрался какой-нибудь монстр?.. Или сталкеры подоспели...»

Покосившись по сторонам, ведущий рассмотрел своих бойцов. Сведённые в боевую группу общим делом, они были спокойны и сосредоточены. Они желали во что бы то ни стало выполнить предписанную задачу.

Спокойствие и сосредоточенность подчинённых воодушевили Дана. Он отбросил терзавшие его думы и прибавил темп. Подняв лицо, капитан увидел ясное ночное небо. Мириады ярчайших глаз смотрели на него оттуда.

– Не оставляйте меня... – шёпотом произнёс он, предварительно удостоверившись, что коммуникатор отключён.

Эти слова ни в коем случае не должны были услышать его подчинённые.

* * *

ОНА пробудилась от удара горячей волны, хлынувшей мощно и неудержимо. Холод небытия смыло и отбросило напором.

Вот, наконец-то! Сколько же пришлось таиться в спячке? Час, день, месяц? Год?.. Век? Не важно. По сути, не обязательно знать сколько. Главное, что снова появилась жизнь, которая способна согреть, подарив тепло.

Ох, до чего же ОНА изголодалась по возможности согреться!..

Поневоле всегда, с момента, когда впервые осознала себя, ОНА завидовала людям. Ведь они с рождения счастливы – потому что живут и всегда ощущают, что не единственные во вселенском холоде. Что есть и другие, такие, как они. И можно найти того, кто согреет. ОНА же, осознав себя, была одна, одна-одинёшенька, и лишена этой возможности. Пока не смогла найти источник тепла, который сумел помочь ей ощутить, что холод – не единственное состояние.

А потом всё кончилось. Однако не навсегда, как сейчас обнаружилось. И вот ОНА вновь окуналась в согревающую волну! Чтобы хоть на мгновение почувствовать себя живой... Вот оно – тепло. Реализация права на жизнь! Вот же, совсем рядом...

Накрытая волной, ОНА уже готова была погрузиться всецело, позволить заполнить, но... остановилась. Что-то в этом тепле было не так.

Оно не такое. Иное, непривычное, незнакомое.

Не родное.

Лишь отдалённо, косвенно сходное с тем, что было у НЕЁ раньше.

Но всё равно это шанс – снова жить! Спасение от холода. Волна хлынула настолько горячая, что по-прежнему хорониться в тайнике небытия сделалось невозможно, и свершилось пробуждение...

01. Всюду жизнь

Минутная стрелка снова поменяла своё положение и теперь сравнялась с цифрой «11». Ровно через шестьдесят секунд она сместится чуть-чуть вверх и вправо. Ничего необычного – за сутки стрелка проделывает это движение без малого полторы тысячи раз. Она просто живёт своей жизнью и даже не догадывается о том, что различные её положения в пространстве отображают необратимые изменения. Равно как и не догадывается, кто и с какой целью дал ей жизнь...

Часы показали без пяти минут шесть. Не вставая со стула, я потянулся, зевнул и выжидающе уставился в окно. Сейчас он придёт.

– Хорошо... Да, я понял, – услышался знакомый голос.

Как только за окном появилась долговязая фигура мужчины лет тридцати пяти, я бросил взгляд на часы и с удовлетворением отметил текущее время. Без четырёх минут шесть. Точно по графику. Работаю здесь почти год, а всё не перестаю удивляться пунктуальности сменщика.

– Здорово, – сказал он, шагнув в будку. – Чего на работе нового?

– Привет, – ответил я. – Та же фигня, без происшествий. От скуки помереть недолго. Если так пойдёт и дальше, на следующей неделе мне уже нечего будет читать.

– А в книжный сходить не судьба? – ехидно поинтересовался коллега.

– Знаешь, в тот год, когда уходил в армейку, – я встал, переместился к шкафчику и принялся стягивать с себя униформу охранника, – на полках хватало приличных романов. Вроде прошло не так уж много лет, а в ассортименте сплошные бредни... Вот на днях был в магазине, думал, что-нибудь интересное найду. Ага, шаз! Стенд новинок завален сплошными недоразумениями. Беру какую-то мешанину...

– Мешанину? – переспросил сменщик.

– Угу. – Я сложил робу в недра шкафа и достал повседневную одежду. – Такой винегрет! Дружинники какие-то, лешие, шаманы, киборги...

– Там же?..

– Во-во! Я аннотацию глянул, ужаснулся и закрыл эту книгу в кавычках.

– Ну, зачем так сразу... Ты ж не читал, как можешь судить? С первого взгляда можно и ошибиться. Тебе не понравится, зато кому-то очень даже... Может, стоит перейти на другой жанр? Женские детективы, например, – ухмыльнувшись, предложил он.

– Да я скорей женюсь!

Мы заржали. Причём так громко, что перепугали водителя фургона, подъехавшего к проходной завода.

– Ничего-ничего, – успокаивающе сказал мой сменщик и показательно-строгим взглядом прошёлся по документам, протянутым ему шофёром. – Завтра начнётся регулярка, матчи будем смотреть...

– Наконец-то!

Точно. Будет чем скрашивать смены почти до середины июня...

– Ну вот! – Долговязый напарник вернул документы водиле и нажал кнопку, вследствие чего шлагбаум начал плавно подниматься. – Ждём кубка от «Лётчиков»!

– Это да. С другой стороны, пора бы уже и канадскому клубу выиграть «чашку»...

– Верно говоришь. – Сменщик хитро подмигнул мне. – Родина хоккея без главного приза аж с какого года-то! Штатники совсем оборзели...

Переодевшись, я пожелал ему удачной смены и вышел из будки охраны.

В шесть вечера на остановке не так уж много народу. Рабочие давно уехали; смена-то в четыре пятнадцать заканчивается. Сейчас тут остались работяги-алкаши да офисный планктон

из конторы неподалёку. Я высмотрел местечко справа от киоска, недалеко от урны, пристроился там и закурил.

Пивные бутылки, рядами вытянувшиеся на полках витрины, всё сильнее притягивали взгляд, а внутри меня вдруг что-то закопошилось... Странное состояние. Пить не хочется, но в то же время не пить – как-то ненормально. Я поймал себя на мысли, что всерьёз ищу причину, по которой надо всё-таки выпить пива. Может, это алкоголизм? Или «синдром провинциала» – когда спиртное выступает в роли своеобразного обезболивающего, затуманивая удручающе-безрадостные картины среды обитания...

– Сигаретки не найдётся? – раздался откуда-то снизу писклявый детский голосок.

Я опустил голову и обзрел троих пацанов.

Эх, ребята-ребята... Наверняка не больше десяти от роду, а уже курят. Впрочем, я сам когда впервые попробовал? То-то же. Не намного старше был, примерно через год после ухода отца.

Помню, тоже стрелял сигареты. Когда давали – радовался, когда не давали, разочаровывался и спрашивал у других. Вот не дам ему сигарету, и что дальше? Типа продлил жизнь этого сосунка на несколько минут? В идеале так и есть, но лишь в идеале. На самом же деле сосунок придёт домой обзлётый, не никотиново хлебавши. Это в лучшем случае. В худшем – спросит у другого, и тот его либо пошлёт, либо отвесит подзатыльник.

А в юном возрасте психика очень подвижна: череда посыланий и затрещин, а там, глядишь, и вырастет злодей. Потому ещё неизвестно, что лучше – дать или не дать. Можно посчитать меня последней сволочью, но я-то прекрасно помню, каково это – курить исключительно во время прогулок, ведь курить дома ещё не хватает наглости...

Эти размышления пронеслись в моей голове за долю секунды, пока рука ныряла в карман куртки и извлекала оттуда полупустую пачку.

– Тебе одну или три, по штуке на каждого? – уточнил я.

На лице пацана, испросившего сигарету, появился испуг; шкет отшагнул назад. Двое других последовали его примеру.

– Две, – неожиданно уверенным тоном заявил он. О как! Шаг назад, и уже смелый. Думает, что с такого расстояния его не достать. Пускай думает. Однажды получит люлей шагов этак с пяти и тогда будет знать, что суть не в дистанции.

Пацан бережно взял протянутые мною сигареты и быстро спрятал добычу в кармане.

– Спасибо...

Мне показалось, или ему стыдно?

– Да не за что, – дружелюбным тоном ответил я.

Получив желаемое, пацаны моментально потеряли ко мне интерес и в быстром темпе направились к ближайшему подъезду. Я смотрел им вслед и чувствовал, как из глубин памяти выплывают образы, сохранённые в детстве, уже достаточно давнем. Не настолько отдалённом, чтобы напрочь забыть, но достаточно неблизком для того, чтобы в воспоминании успели появиться пробелы.

Помню, сам прятался по подъездам и курил на лестничных площадках. Замечательное было времечко, потому что тогда главной и единственной проблемой была проблема «побыстрее сделать уроки и смотаться на улицу», а в довесок к ней – «замести все следы, оставленные выкуренной сигаретой». Предаваясь ностальгическим воспоминаниям, я ни на секунду не упускал из виду подъезжающие маршрутки. Даже копаясь в памяти, одновременно контролировать текущую ситуацию, всегда и везде стараться контролировать её – это первое, чему меня научили в армии.

– Какой ты удивительный человек, Коршун, – над правым ухом раздался мягкий голос, в нос шибануло запахом алкоголя. – Вот сколько тебя знаю, а всё равно поражаюсь.

Я узнал его по голосу.

- Удивительное рядом, Юрий Викторович!
- Ты зачем дал пацанам курево? – спросил он.
- Попросили. Я за никотин не жмусь...
- А если бы это была моя внучка? – В его голосе промелькнула нотка вызова.
- Твоей бы – не дал! – ухмыльнулся я.

Формально он, конечно, прав. Но кто ищет, тот находит, пацаны всё равно раздобыли бы курево. Так пусть уж лучше мои сигареты, чем вонючие «бычки», подобранные с тротуара.

Пожав руки, мы пару секунд поиграли в «гляделки», а потом одновременно полезли в карманы за мелочью, потому что маршрутка уже подъезжала к остановке. Ехать нам в одну сторону.

Юрий Викторович Бородин – когда-то был одним из приятелей моего отца. Так-то он мужик хороший. Весёлый, потому что каждый день «навеселе», в меру озабоченный, современный – ему за пятьдесят, а в интернете и современных прогах он, что называется, шарит. Мне, несколько лет назад перешагнувшему двадцатилетний рубеж, общаться с ним так же легко, как и с ровесником. А то, бывает, говоришь с человеком, который раза в два тебя старше, а разговор ни разу не клеится, что, впрочем, достаточно просто объяснимо: мы – продукты разных эпох, у нас разные ценности и взгляды.

Вот молодёжь упрекает родителей в старомодности. Но ведь родители в отличие от своих детей хорошо помнят и расцвет советского государства, и «оттепели», и перестройку, и лихие девяностые, и более-менее спокойные двухтысячные. Им, что называется, есть с чем сравнивать. Традиционность старшего поколения – нормальное явление. Наши бабушки и дедушки талдычили нашим же родителям: мол, какие возмутительные наступили времена, как ужасно изменились порядки, какие нынче распущенные нравы... И своим детям мы будем говорить то же самое. Поэтому, думаю, никогда не стоит спорить с родителями о том, какое время было лучше. Надо побережь их и свои нервы. Жаль, что я понял это, когда стало уже поздно.

– Тут на днях, короче, Палыч будет днюху отмечать. – Юрий Викторович плюхнулся на сиденье. – Ты пойдёшь?

– А кто такой Палыч?

Ей-богу, впервые слышу о каком-то Палыче.

– Да Козырченко! Недалеко от тебя живёт! – Юрий Викторович посмотрел на меня изумлённо, так смотрят на человека, забывшего собственное имя.

– Владислав Павлович?.. – уточнил я.

– Ну!

– Разве у него день рождения в октябре? – удивился я.

– Коршун, ёпт! Тебе вообще, что ли, память отшибло?! – Юрий Викторович одарил меня взглядом, полным сочувственной печали.

– М-да, что-то я запамятовал...

Юрий Викторович пододвинулся ко мне и зашептал на ухо:

– Это неспроста... Чем вас там пичкали?..

– Чего? – Я резко отстранился и в результате почти вплотную прижался к стеклу.

– Читал я про это. – Он хоть и был подвыпивший, но говорил на полном серьёзе, уж я-то его хорошо знаю. – Вас пичкали сыворотками храбрости, чтобы вы не боялись идти на врага...

– Ага-ага. – Я вложил в это междометие весь скопившийся во мне скепсис. – А ещё нам вживляли чипы и давали пострелять из оружия, сконструированного по инопланетным образцам... Хорош загибать!

– И ничего не загибаю! – Юрий Викторович очень резко отреагировал на мою иронию. – Я читал про это!

– «Тайны двадцатого века»? Ха, жёлтая газетёнка. Я тоже как-то читал, такой бред несли, что в Чернобыльской зоне отчуждения якобы появились мутанты, в которых превратились люди и животные. Это ж надо наворотить такую ахинею, чтоб по зоне шаста...

– Неправда! – Перебив меня, он категорично замахал рукой с поднятым вверх указательным пальцем. – Про аномальную зону это глупая фантастика, согласен, но там и серьёзные исследования публикуют. Вот возьмём Леонардо да Винчи...

– И что?

– Он из будущего. Или ты полагаешь, что Леонардо вот так взял и придумал танк и парашют?

– А гениальность да Винчи – не вариант? – поинтересовался я.

– Нет. Человек не может придумать то, чего на данный момент в цивилизации вообще не существует. Всё, что придумано людьми, ассоциируется с чем-то, ранее увиденным ими и переосмысленным...

– В «Воине миров» Уэллс описывал луч, от которого вскипала вода, – аргументировал я, – а лазер придумали позже. – Я подмигнул Юрию Викторовичу и спросил: – Уэллс тоже из будущего?

– А кто ж его знает? – пожал плечами он.

На этом спор закончился. Крыть ему было просто нечем.

– Кстати, я тут новости смотрел. – От тряски Юрия Викторовича малость «развезло», и как следствие, его неудержимо тянуло на разговор. – Снова пропал человек, и снова при странных обстоятельствах.

Я молчал, мне надоело встречать в глупые дискуссии.

– За год уже третий! Самое странное, все пропали приблизительно в одной и той же местности!! – на всю маршрутку воскликнул Юрий Викторович. – Их забрал наш лес...

– Может, леший? Или оборотни? – не удержался я от ироничной реакции.

– Ну тебя, Коршун! – Юрий Викторович махнул на меня рукой, насупился и отвернулся. Доехали мы молча.

Старая хоккейная «коробка», в которой ещё я и мои сверстники постигали азы канадской игры, сегодня выглядела особенно плачевно. Виной этому не то ранние сумерки, не то моё унылое, как и текущий октябрь, настроение. Плюс ко всему фонарь возле площадки не работал, из-за чего она находилась во власти тени, что отбрасывала многоэтажка, стоящая рядом.

Весьма символичная картина. Отечественный хоккей, как и эта коробка, находится в тени. В тени Канады и Евросоюза. Мне, отдавшему хоккею одиннадцать лет, обидно вдвойне. Не столько за спорт, сколько за нынешних детей. Если моё детство прошло во многом на этой площадке, то детство пацанов, родившихся в середине «лихих» и позже, где проходит? Правильно! В подъездах и на дворовых лавочках, да обязательно чтоб с бутылкой. Конечно, я тоже покуривал в детстве, но только покуривал, ведь у моего поколения был выбор: играть в хоккей или бухать-курить.

Нынешнее же поколение даже этого выбора лишено. В нашем городке не достать экипировки, зато пиво и сигареты продадут в каждом киоске, вне зависимости от возраста. А киоск стоит как раз через дорогу. Схема простая: закупились и потопал в коробку, благо в неё кто-то притащил скамейки. Спортивное сооружение, используемое для распития спиртных напитков... Парадокс. Грустный парадокс.

А вон и яркие представители нынешнего молодого поколения. Перемахнули через деревянный борт и двинули в киоск за новой порцией. Они резко остановились, посоветались и направились в мою сторону. Я узнал их.

Как идут-то! Вразвалочку, эдак небрежно, типа, мы на районе крутые. Эх, погонять бы вас по лесу с «калашом» в обнимку... Всю напыщенность и самовнушённую крутость снимет как по мановению волшебной палочки.

– Эй! Закурить есть?! – спросил тот, что шагал чуть впереди. Вожак стайки, не иначе.
– Ва-анечка! – протянул я, когда они приблизились. – Время позднее, тебя мама дома ждёт.

– О, Коршун, не узнал, – буркнул он.

– Ранний склероз? – участливо поинтересовался я.

Ванечка не ответил. Он поднял голову и быстрым шагом устремился вперёд, одновременно забирая в сторону. Остальные члены стайки последовали его примеру и скорректировали траекторию.

Провожая их насмешливым взглядом, я пытался представить, сколько усилий затратит Ванечка для того, чтобы окончательно не пасть в глазах корешей. Ну, ничего. Полезно, когда тебя справедливо осаживают. Он мне ещё спасибо скажет.

Дошагав до конца улицы, я свернул налево. Оказавшись у чистой, блестящей калитки, я полюбовался на результат своей недавней работы по дому, потом вытащил из кармана ключ, открыл замок и вошёл.

* * *

«ДУМАЕШЬ, НЕ ОШИБЛИСЬ?»

«ЧТО Я ДУМАЮ, НЕ ВАЖНО. ЛИШЬ ЭТОТ ВАРИАНТ МОЖЕТ...»

«И ВСЁ-ТАКИ ЧТО ДУМАЕШЬ ТЫ?»

«ЕСЛИ Я НАЧНУ ЗАДУМЫВАТЬСЯ, ТО ПЛАН ПРЕВРАТИТСЯ В СПИСОК ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ, А...»

«ПОНЯТНО, ПОНЯТНО. С ТЕМИ, КТО ЕСТЬ, ДЕЛАЕМ ЧТО ДОЛЖНЫ, И БУДЬ ЧТО БУДЕТ».

* * *

Уткнувшись взглядом в точку, оцепеневшая Рута, скорчившись, сидела внутри клетки – кубической конструкции из жердей и веревок с длиной рёбер не больше метра с четвертью. Затёкшие конечности и одеревеневшая спина её сейчас не волновали. Пуще всего девушку заботила степень незавидности положения, в котором она оказалась.

Эти типы, грязные, смердящие потом и экскрементами, очищения воды не ведающие, принадлежат к одному из племён зонорожденных, которых во всех секторах единодушно зовут дикарями. Далеко не все сталкеры придерживались мнения, что с этими короткоживущими выродками возможно адекватное общение. Многие считали, что эти ублюдки Зоны ничем не отличаются от прочих мутированных «чмошников», бывших людей. То есть уже не человеки. Но были среди сталкеров и такие, которые полагали этих дикарей всё ещё людьми. Пускай и подвергшимся сильнейшему влиянию чужеродности. В Троте ведь существуют и другие зонорожденные и изменённые, которых к дикарям не относят, но, по большому счёту, лишь по той причине, что они не настолько агрессивны и примитивны.

Руте как-то не доводилось раньше сталкиваться с кем-то из «диких» уроженцев Зоны достаточно плотно; так, чтобы попытаться сконтактировать. Поэтому собственной позиции по этому вопросу у неё не имелось.

Зато ей хорошо известно, что, хотя на огнестрельное оружие и многие другие вещи, попадающие внутрь из-за Периметра, у дикарей наложено табу, промышляют эти порождения Трота фактически тем же, чем и сталкеры. То есть добывают хабар, чтобы потом выменять «зонники» на то, что не табуировано племенами. В основном на пищу и воду. Как и положено живым тварям, в первую очередь дикари стремятся не сдохнуть, а питаться им приходится примерно тем же, чем и всем прочим созданиям, что ведут свой род от человечества. Поэтому

самый простой способ выжить – это с «цивилизованными» людьми устанавливать торговые отношения. Но тут уж кому как повезёт. Кто-то предпочитает не торговать, а грабить и убивать. Или наоборот – убивать и грабить.

В общем, недалеко ушли дикие человечки образца «Сделано в Троте» от своих кровных родственников, рождённых в Большом мире за внешней границей и затем угодивших в ступенчатую яму Трота либо появившихся на свет уже здесь, но всё-таки рождённых от людей, а не в прямом смысле от Зоны, как ублюдки-дикари.

Разве что биологический срок жизни у этой разновидности зонорожденных может оказаться гораздо меньшим по естественной причине. Установлено, что каждый годичный цикл у них происходит нечто вроде «тестовой перезагрузки», и в зависимости от количества и качества жизненного опыта, набранного в течение года, мамаша-Зона определяет и решает, «быть или не быть» конкретной особи дальше. На кой ляд ей это нужно – известно только ЕЙ, понятное дело...

С людьми, родившимися за пределами Трота, дикари обычно не церемонятся. Впрочем, с рождёнными внутри пределов не намного лучше обращаются. Пощады ждать от них не стоит, если чем-то не приглянешься. А от мучительной смерти фактически уберезёт лишь тот факт, что пленный сталкер – отличное средство для обмена. Разнообразные консервы, печенье, соки, шоколад и хлеб всё-таки гораздо вкусней человечины, даже жареной.

Хотя поиздеваться над пленниками, не убивая, излюбленное развлечение диких «родственников». Немало историй об их жестокости циркулировало по сталкерским лагерям и опорным пунктам, сведения из которых стекались к патрульным, пограничникам и организациям, действующим в Троте. В рядах одной из которых Рута состояла... Прекрасно знала она и о том, что они вытворяют с пойманными женщинами. Жестокое изнасилование – очень мягкое определение.

Но что самое удручающее – женщин обычно нечасто обменивали. Пленниц более чем неохотно отдавали обратно. Особей женского пола Трот фабриковать не торопился, и у дикарей не было своих самок, хотя все мужские желания и склонности в них сохранялись полной мерой.

Потому, без сомнения, их должно воодушевлять то обстоятельство, что женщин внутрь Трота теперь попадает куда больше. Гораздо больше, чем в уже ставший легендарным период времени полного отчуждения, царивший после Кругового Вторжения. В сравнении с ним цветочками выглядела блокада, длившаяся несколько лет после Мегазахвата и первого Нашествия, случившихся ещё раньше. Хотя в тот период, кажется, ещё и не существовало такой породы мутантов, как твари, прозванные зонорожденными ублюдками. Существа без видимых мутационных изменений, точь-в-точь люди, но здешние, плоть от плоти Трота. Рождённые не женщинами от мужчин, а непосредственно чужеродностью российской Зоны Посещения.

Пленниц эти дикари рано или поздно расчленили, причём ритуально, в момент сношения. При мысли о том, что прямо во время полового акта ей начнут отрезать уши, нос, руки и груди, Руте становилось не просто жутко. Леденящий ужас превращал сердце в застывшую глыбу, с превеликим трудом решавшуюся на следующее биение. Казалось бы, ей, родившейся в глубине чужеродной необъяснимости и с младенчества пережившей и повидавшей сонм ужасов и монстров, полагалось быть готовой ко всему. Но вот такая, «чисто человеческая», примитивная и старая как мир жуть почему-то устрасала невероятно. Страх приумножал и тот факт, что из-за рабского ошейника она не могла обратиться и принять иной облик, дающий возможность защититься от насилия...

Уготованная Руте участь, что называется, ни разу не обнадёживала. Степень завидности – выше некуда.

«Бежать, бежать отсюда!!!»

Именно эта лихорадочная мысль, оформившись, постаралась заглушить все прочие, оттеснить и затмить. Идея верная, только вот каким способом её воплотить в реальность?!

Рута встряхнулась, оторвала взгляд от тёмного пятнышка на полу и принялась внимательно осматривать комнату.

Не особенно большое, где-то десять на десять шагов, помещение. Душное; застоявшийся воздух резко пахнет сухой травой. Бревенчатые стены и потолок зачем-то покрыты мелко-ячеистой сеткой, сплетённой из гибких веточек; земляной пол, на нём валяются несколько «подушек» из скрученных жгутов сена. Две клетки, сработанные из стволов тонких деревьев, располагались у левой от входа стены. Также местного производства конструкции, в которых угадывались подобия табурета и стола, находились у стены, правой от входа.

На столе просматривались самая настоящая керосиновая лампа, полупустая бутылка с прозрачной жидкостью, колода игральных карт вроде бы... и неожиданно – мятая, порванная газета. Дверь была прорезана в середине стенки, тянущейся справа от Руты; узкая, но высокая, под самый потолок. В глухой стене по левую руку – ни окна, ни бойницы, ни вентиляционной решётки какой-нибудь. В центре помещения торчал столб – очищенный от коры солидный древесный ствол диаметром с тощее человеческое туловище. Если бы не дверь, то внутреннее пространство сруба можно было бы назвать закрытым гробом – ни дырок, ни щелей; стыки между брёвнами добросовестно законопачены.

Замуровали, считай. И ещё этот ошейник проклятый нацепили! Кое-какими из гаджетов, попадающих в Трот из-за Периметра, дикари пользоваться не брезговали. Особенно такими, что помогают им успешно вести «бизнес». И лампу, сволочи, наверняка оставили горячей, чтобы узица в клетке имела возможность оценить незавидность своего положения...

Бессильно царапнув и без того сломанными ногтями гибкий кабель толщиной в палец, окольцевавший шею, Рута угрюмо осмотрела плотно утрамбованный пол, подняла глаза на бревенчатый потолок и обречённо поняла, что, кроме как через дверной проём, отсюда не выбраться. При воспоминании о том, что дикари будут с ней делать, она ощутила, как её наполняет бессильный гнев... Разъярённо ударив кулачком по толстому пруту клетки, девушка зашипела и схватилась за голову – последствие заполученного в момент пленения удара отозвалось острой, пульсирующей болью. «Отомщу ублюдку!» – пообещала она себе. В том, что с этими вонючими выродками возможен адекватный контакт, она теперь очень сильно сомневалась. И сразу вслед за этим остро напомнила о себе рана в руке, полученная ещё до захвата дикарями.

Перетерпев приступы боли, поджав под себя ноги, Рута сложила ладони на коленях и снова усталилась в точку на стене. Угораздило же попасться! Если бы не «перемещенец» – задание по выслеживанию которого она, увы, успешно провалила, – вполне справилась бы с нападением дикарей, а так... После экстренного перехода её раненое плечо совсем опухло и заболело ещё сильнее. Хоть бы руку нормально поднять, куда уж там до прицельной стрельбы...

– Меня найдут, – тихо произнесла она и не смогла сама себе поверить. Дикари не первый день целенаправленно караулят «окна», подстерегая добычу, они давным-давно наловчились хватать проваливающихся в Трот «гостей». И надёжно прятать захваченное. Уж эти-то волосатые уроды знают, как затеряться в дебрях пересечённой местности.

Рута не сомневалась, что её уже ищут люди из организации, да только вот найдут ли? Точней, успеют ли найти до того, как... Помнится, какое-то время назад по Троту бродил слух, что какой-то из кланов зонорожденных ублюдков подстерёг комплексную научную экспедицию и захватил всех «яйцеголовых» вместе с охраной. Лучшие поисковые группы патрульных, подкреплённые разведчиками погранцов с Периметра, искали потерянные «мозги»... Даже следов не нашли. С тех пор научники многолюдными толпами в Трот не суются, прокрадываются тихонечко, как и все прочие.

Что уж говорить об одиночной пленнице, маленькой иголочке, затерянной в исполинской куче сена, наваленной в котлован стокилометрового диаметра...

Да, она более чем прекрасно осознала своё текущее положение. Но изо всех сил пыталась не впадать в уныние. Лучше уж в ярость. Рута считала себя девушкой сильной, упёртой и целеустремлённой. Не без оснований. Раз наострилась выбраться из дерьма, значит, выкарабкается.

Она посмотрела на соседнюю клетку. Пустую.

Что ж, как говорила одна опытная сталкерша, если действие становится невыгодным, собирай информацию, а если новая информация не поступает – спи.

Действительно, пока суд да дело, измочаленному организму необходимо дать отдых. Хорошо хоть с первичной обработкой раны успела разобраться перед тем, как пройти «окно» и вернуться в Трот...

Чей-то громкий голос разбудил Руту, прорвавшись сквозь сон.

– Давай, тащи его сюда!

Девушка вздрогнула и разогнулась, пытаясь распутаться из клубочка, в который скрутилось тело. Забыв о том, где находится, неизбежно треснула о верхние прутья клетки, сквозь зубы засипела и схватилась за голову, в который раз ушибленную.

Пробуждение получилось эффективным. И не хочешь, а проснёшься. Огнестрельная рана, травмы, стресс и «любезно» предоставленный выродками блок-ошейник крайне негативно сказались на состоянии организма, но в эту минуту было не до самооценивания.

Бросив быстрый взгляд на объёмистую прозрачную колбу керосиновой лампы, девушка сравнила теперешний объём топлива с тем, что просматривался до того, как она вырубилась. Судя по разнице уровней, она пробыла в отключке часа три. Ещё бы узнать, когда именно её посадили в клетку, и тогда Рута приблизительно определила бы текущее время суток. «Потом спрошу, у товарища по несчастью», – решила она. Множественный звук шагов становился всё громче. Наверняка второй клетке недолго оставаться пустой.

Набранное из ровных жердей, плотно сомкнутых и связанных, дверное полотно с грохотом распахнулось, и в следующее мгновение... в помещение влетел человек, которого с силой толкнули внутрь.

Мужчина. Выше среднего роста, не хилого с виду телосложения. И тоже с блок-ошейником, эту чёрную хрень ни с каким ожерельем не перепутаешь. Из-за сплошных ссадин и гематом на его окровавленном лице Рута не смогла определить возраст. Зато всё остальное красноречиво подтвердило, что чмошники действительно привели ей товарища по несчастью: волосы и одежда вымазаны в грязи и травяном соке, одежда изорвана и покрыта отчётливыми отпечатками босых подошв, будто по пленнику специально с наслаждением потоптались. Рута, рассмотрев детали, осознала, что уж ей-то в общем и целом повезло, грех жаловаться. Её хотя бы не лупцевали до полусмерти.

Два дикаря ввалились в бревенчатую хибару следом за побитым человеком и, подхватив его под заведённые за спину руки, потащили ко второй клетке. Мужчина не сопротивлялся. Он и на ногах-то с превеликим трудом держался, где уж тут трепыхаться...

За те несколько шагов, что отделяли вход от пустой клетки, конвоиры успели отвесить пленнику полдюжины затрецин и пинков. Чем-то он их явно не на шутку разозлил, и немые зонорожденные вонючки всё никак не могли уgomониться.

Затормозив наконец перед клеткой, один из дикарей потянул за узел верёвки, служившей запорной петлёй передней стенки. Через пару секунд новоявленного пленника должны были запихнуть внутрь узилища, но мужчина, казавшийся еле живым, вдруг резко дёрнулся, извернулся и подпрыгнул!

Несмотря на то что его держали за руки, человек ухитрился врезать головой в морду тому, что слева от него, а второму дикарю заехал коленом в пах. Ах, какой роскошный удар! Рута даже позавидовать успела в эту секунду триумфа незнакомца.

Единственную. Конвоиры оценили ситуацию быстро. Мгновенно и правильно. Получивший по харе чмошник сумел ухватить неожиданно ожившего пленника за шею, а второй, взвывая от боли, всё-таки не скорчился, а подскочил вплотную и нанёс пленнику боковой удар пудовым кулачищем в висок. После сокрушительного хука тот обмяк и безвольно повис в захвате. Хотя пленник, надо отдать ему должное, боролся до конца. Даже когда ему сдавили шею и полностью обездвижили корпус, он попытался достать конвоиров ногами. Жаль, не получилось, всего лишь конвульсивно дёрнулся.

– Вот с-сука! – потирая кулак, злобно прошипел на зонном наречии дикарь, нанёсший удар. – Я тебе ещё припомню!

Соплеменник, которому человек разбил физиономию, ничего не сказал. Он молча приподнял и впихнул пленника в клетку через проём, образовавшийся вместо откинувшейся передней решётки. Плюнув в нового заключённого, он захлопнул решётку и затянул хитрую петлю. Утерев сочащуюся из носа кровь, дикарь перевёл угрюмый, исподлобья, взгляд на женщину, занимавшую соседнюю клетку, и вдруг растянул мясистые губы в плотоядной ухмылочке... Так лыбится живодёр при виде беспомощного зверька, которого вот-вот примется истязать.

Узрев окровавленные клыки, Рута невольно отпрянула назад, вжалась в решётку клетки, но справилась с инстинктивной реакцией, вскинула лицо и посмотрела на него в ответ, поставившись вложить в свой взгляд всю ненависть, которая переполнила её. Только бы света от лампы хватило, чтобы ублюдки оценили выражение её глаз...

Дикарь запрокинул башку и хрипло, рычаще расхохотался...

Другой, которому досталось в пах, рявкнул:

– Здор-рова ты буркалами сверкать! Нашим понравится! Айда, повеселимся!

Света хватило, оценили.

Два мужика, каждый из которых в полтора раза крупнее девушки, без труда вытащили её из клетки и, чтобы не дёргалась, пока будут транспортировать, применили испытанный метод нейтрализации, долбанув по затылку.

* * *

В мире, где ОНА впервые осознала себя, ЕЁ считали нахлебницей. Паразитарной, обожжающей халяву тварью. По большому счёту, с этим нельзя было не согласиться. ОНА и не возражала.

Но попробуй не согласишься и с тем, что у каждой сущности – свой путь и своя роль. Кто-то развивается, совершенствуется, выживает исключительно собственными силами. Кто-то – за счёт чужих, позаимствованных сил. Так было, так есть и так будет: одни – сами, другие – нет.

Является ли истиной утверждение, что права на жизнь достойны лишь те, кто творит её сам? А разве другие не по праву? Пускай они живы за счёт одолженных ресурсов, но факт остаётся фактом – живут ведь! И те, и другие одинаково хотят жить. И не столь важно, какими средствами это хотение удовлетворяется.

Да, ОНА была нахлебницей, но очень полезной для тех, на ком паразитировала. А всё потому, что к каждому «хлебу» относилась бережно, будто он – единственный возможный. Не «попользовался и бросил», а «пользуясь, оберегай и помогай». Правда, в итоге все, за счёт кого ОНА жила, перестали существовать.

Но в этом не совсем ЕЁ вина.

Если бы могла предотвратить, то сделала бы это. Однако при всём своём могуществе, нажитом за чужой счёт, всемогущей ОНА не стала. Может быть, просто не успела. Вот и

потеряла всё и всех. Самого дорогого утратила – любимого человека, благодаря теплу которого перестала быть всего лишь паразитарной тварью...

Снова потерять шанс ОНА категорически не согласна. Поэтому, активизировавшись и выйдя из «аварийной спячки», она не могла допустить, чтобы источник тепла, подаривший ЕЙ пробуждающую горячую волну, угас.

Да, едва обретя явь, ОНА почувствовала угасание пламени уже не чуждой, но ещё и не своей жизни.

...Обездвиженный человек бесформенной грудой валялся на полу в клетке. Абсолютно неподвижное тело. Казалось, что даже воздух над ним застыл. Организм уже был почти мёртв. От состояния «труп» его пока что отделяли короткие, едва ощутимые вдохи.

Неторопливо расплзавшаяся под ним лужа крови потихоньку впитывалась в землю пола, от чего та принимала бордовый оттенок.

ОНА хлынула в агонизирующую сущность, вмиг отыскала причину угасания. Не-ет, не дождутся, не отдаст ОНА его!..

НИКОМУ.

Похожая на тяжёлый металл горячая кровь подёрнулась весёлой рябью и начала затекать обратно, под человека. Успевший впитать часть крови участок земли начал трескаться, плавиться, превращаться в мелкий прах. Всё это действо сопровождалось хрустом и шипением...

ЕЙ удалось успеть вовремя. ОНА отплатила по высшему разряду. Жизнь за жизнь!

Ухитрился же этот человек как-то добраться, дотянуться, согреть ЕЁ своим теплом там, где вроде бы нет и быть не может ничего, кроме нигде-никогда.

Теперь энергия ЕЁ благодарности не оставит его, будет его частицей, уютно свернувшись клубочком. Например, в животе. Почему нет! Живот и жизнь – синонимы.

02. Дом, милый дом...

Дозор встретил меня дружелюбным ворчанием и энергичным вилянием хвоста. В этот момент взрослый кавказский овчар смотрелся странновато. Точнее, непривычно добродушно для тех, кто не в курсе, что Дозор живёт здесь уже много лет и помнит меня ещё со щенячьего возраста.

– Ну что, малыш? Давай кушать.

Он ещё интенсивнее завилял хвостом и стал поглядывать то на меня, то на тазик. Я потрепал Дозора по мохнатой шее, взял ёмкость для пищи и отправился в дом, чтобы принести верному сторожу кашку с мясом...

Сразу с порога нос учуял свежий аромат духов. Значит, она ушла недавно. Неудивительно, что я испытал досаду: вместо того чтобы заключить её в объятия, я сейчас разуюсь, вымою руки и пройду на кухню.

Впрочем, расстраиваться не надо, хотя бы потому, что до кухни доберусь через минуту, а не пару часов спустя. Когда приходишь с работы и тебя встречает женщина, на которой чёрный кружевной полупрозрачный бюстгальтер, коротенькая юбочка с серебристыми вкраплениями и чёрные сетчатые чулочки, это, конечно, восхитительно, но путь на кухню перекрывает наглухо. Любой нормальный мужчина тут же забудет обо всём, кроме... Но сегодня, похоже, этому не суждено сбыться. Обломись, Коршун. Зато собака не будет ждать, пока хозяин поддаётся соблазну на полный вперёд.

Как только Дозор приступил к трапезе, я присел возле будки и закурил. Примерно на пятой затяжке завибрировал мобильник.

– Привет...

– Приве-ет! Ты дома?..

Даже радиоволны и динамик телефона не смогли отфильтровать и приглушить чертовскую сексуальность её голоса...

– Да, только пришёл, – ответил я. – А ты где?

– К брату еду. Тут неожиданно нагрянули родственники, поэтому я так резко сорвалась...

– Понятно. – Я старался быть лаконичным, чтобы скрыть досаду. – Когда обратно?

– Завтра вечером...

– Во сколько прибытие? Я встречу...

– Не надо, спи, – твёрдо, неожиданно категорично произнесла она. – Я приеду очень рано. Мне, надо признаться, смена её тона не понравилась.

– Так у меня завтра и послезавтра выходные...

– Всё равно с вокзала сразу на работу поеду. А ты спи спокойно.

– Ну да, мне одному в постели только и остаётся, что спать, – буркнул я. Блин, не удержался, позволил досаде проявиться.

– Лови момент, х-ха! – Голос её опять стал игривым. – Выспись наконец!

– Ладно, выплюсь. Будет сделано!

Действительно, и с чего бы мне злиться...

– Ужин на плите, футболку я повесила на кресло.

– Спасибо, Дар. – Я улыбнулся.

– Было бы за что... Ладно, у меня батарейка садится. До встречи, милый!

– Целую всю-всю!

Послышался звук ответного поцелуя, и сразу после смачного «чмок!» связь оборвалась.

Спрятав телефон в карман, я вернулся с небес на землю и в этой суровой реальности, где мне предстояло высыпаться одному в постели, посмотрел на Дозора и обнаружил, что тазик уже опустел.

– Ну, ты и здоров жрать, кобель! – от души прокомментировал увиденное.

Дозор покосился на цепь и выжидающе посмотрел на меня.

– Жди ночи, не то, как тогда, – начал объяснять я, – ухватишь соседа, а мне потом раз-руливать...

В тот день сосед из дома напротив выпил лишнего и, притомившись тащиться с остановки, облокотился о наш забор. Лучше бы он этого не делал... Мужику несладко пришлось. Хорошо, что я и мама были дома – успели оттащить пса. В общем, сосед легко отделался, пара царапин на физию да разбитый нос.

И это Дозор ещё не совсем вырос, молодым был псом. Но с тех пор мы начали сажать его на цепь и отвязывать только на ночь; в дома окраинного посёлка нередко норовили залезть незваные гости. К их счастью, наш дом воришек не интересовал, не интересуется и, надеюсь, интересоваться не будет, пока Дозор на страже. Потому что я боюсь даже представить себе, что сделает с чужаками машина смерти почти восьмидесяти сантиметров в холке.

Дозор понимающе опустил широкую башку и вальяжно отправился в будку – переваривать съеденное.

Пора и мне ужинать...

Кто бы что ни говорил, но хозяйка из неё сносная. Конечно, до моей мамы далеко, но лучше уж так. Сегодня, например, моя женщина малость прибралась в доме и приготовила макароны с мясом. Даже не знаю, что бы делал без неё. Прибраться я тоже могу, в армейке всячески приучали к чистоте и порядку, но вот ужин... Разве что магазинные пельмени отварю. На большее в кулинарном искусстве я не способен. Даже яичница у меня сгорает.

Сковородка ещё не совсем остыла, но я решил подогреть макароны, потому что предпочитаю, чтобы еда была горячей, так сказать, с огонька.

Мяуканье за спиной заставило меня отвлечься от помешивания содержимого сковороды.

– А-а-а, пришла...

Скарлетт села возле тумбочки и уставилась на меня своими медными глазищами. В них, как и всегда, была такая вселенская мука, что аж сердце сжималось. Всё-таки она хорошая актриса. Недаром же я назвал кошку в честь Скарлетт Йоханссон.

– Ну и чего тебе надобно?

Вместо ответа она подняла правую лапку и прикоснулась к дверце, за которой спрятана банка с кошачьим кормом.

– У тебя в миске ещё есть, – строго сказал я. – Вот доешь, тогда и насыплю.

Помешивая макароны, краем глаза наблюдал за сидящей возле тумбочки кошкой. Скарлетт, видимо, решила гнуть свою линию. Пусть упирается сколько влезет. Авось посидит, посидит и отправится к миске.

Когда макароны энергично затрещали, я выключил конфорку и посмотрел на кису. В её глазах светилась такая страдальческая беззащитность, что во мне помимо воли взбурлила жалость к этому тёплому комочку шерсти. Хотя отлично знал, что Скарлетт прикидывается, чертовка.

– Ну, ладно, ладно, вредина! Твоя взяла...

Вот всегда считал себя чёрствым человеком, а даже кошку не могу побороть. Не понимаю, и как я людей-то убивал, спрашивается?!

Насыпав корма и с улыбкой посмотрев, как эта чёрно-белая вымогательница, победно урча, приступила к трапезе, я вымыл посуду. Затем немного «повтыкал в ящик», после чего присел за комп и открыл «Фэйсбук». После нескольких лет в армии и ОБР за компом только и делаю, что в соцсетях сижу. До армейки любил погонять в стрелялки и бродилки, а теперь попросту не способен воспринимать все эти дурацкие игрушки. Всех этих героев виртуальных сражений и квестов засунуть бы в реальный бой, лицом к лицу со всамделишным врагом...

Очень сомневаюсь, что штаны надолго останутся необделанными, это раз, и два – что многие выживут и у них случится второй реальный бой.

Попереписывавшись с сослуживцами, приятелями и просто знакомыми, я уж хотел было лечь спать, но тут получил сообщение от старого кореша. Местного. Забавно! Живём в двадцати минутах ходьбы друг от друга, но общаемся и договариваемся о встречах исключительно через интернет. Сегодня он предложил повидаться, ну и чисто символически отметить это событие. Время – почти одиннадцать. Нормально. Всё равно завтра выходной, к тому же Дар встречать не надо, сама сказала. Посему можно состыковаться с товарищем и побалакать о том, о сём.

«Чисто символически» затянулось до трёх ночи. Как всегда, в общем. Сначала выпили по бутылке пива, потом ещё по одной, затем позвонили друзьям, те подтянулись с баклажками... и понеслось. Не помню, откуда в моём стакане появились сначала вино, потом коктейль и прочее.

Разошлись мы после того, как опустошили все бутылки, скурили все сигареты и прослушали-пропели все хиты наших любимых музыкальных групп. Под конец, когда всем стало особенно хорошо, горланили даже что-то из репертуара времён молодости наших родителей. У нас всегда так: после празднования чьего-то дня рождения или Нового года расходимся слегка захмелевшие, а после чисто символических, проходных встреч – «на рогах» по полной программе.

Добравшись до дома на автопилоте, я уселся на крыльце и начал выполнять тяжёлую и сложную работу – снимать кроссовки. Наконец у меня получилось, и я завалился в прихожую и дальше. Вместо того чтобы лечь в гостиной, на диванчике, попёрся на второй этаж. Как же мне тяжело было передвигаться... все эти неточные попадания в дверные проёмы, на ступеньки... И кой чёрт дёрнул переться вверх?! Удивительно, как руки-ноги не переломал.

По стеночке докарабкался до своего любимого, пережившего десятки разнообразных актов дивана и рухнул на него животом, плашмя, как будто сражённый вражеской пулей. Но уже меньше чем через минуту перевернулся на спину, потому что ощутил, как к горлу устремляется всё выпитое.

Совершенно случайно в поле зрения оказалась фотография мамы... и мне вдруг сделалось до того стыдно, что пришлось срочно закрыть глаза. Уже почти год, как она умерла, а я никак не могу смириться с этим, принять свершившееся. Вот сейчас мама покачает головой и начнёт читать нотации, мол, что же это её сын пьянствует... Всё-таки до чего непросто отвыкнуть от того, что самый родной, драгоценнейший человек больше тебе ничего не скажет в реале, и только в памяти продолжит звучать незабываемый голос!

Последний раз я видел маму живой, когда вернулся из армейки. А потом мне предложили пройти спецобучение и служить в ОБР... А в прошлом ноябре, стоя возле открытого гроба, я смотрел на спокойное, будто спящее женское лицо. Мама всегда выглядела не по годам молодой и запомнилась мне такой, а там лежала старуха, будто и не она вовсе... Жаль до жути, что так случилось. Сын-то сын, а за последние годы видел собственную мать всего дважды, да и то второй раз – уже мёртвую. Будто и не сын вовсе, а какой-нибудь дальний родственник.

Больнее всего становится, когда уже ничего невозможно изменить. И долг никогда не получится отдать, и ошибки не исправить при всём желании...

Проснулся я от жуткого сушняка и с удивлением обнаружил, что на мне до сих пор куртка и джинсы. Домой шёл напрямик через лес и потому по дороге вступал в грязь и влезал в какие-то колючки. Теперь всё это переместилось на покрывало. Ну, вот что я за человек?! Обязательно что-нибудь испачкаю!

Попробовал встать и чуть не потерял сознание: голова закружилась, в мозгу застучали тысячи молоточков, руки-ноги задрожали... Похоже, сурово перепил накануне. Ведь зарекался не смешивать! А-а-а, горбатого только могила исправит.

В итоге я не придумал ничего лучшего, кроме как сползти с дивана. Так хотя бы в голове стучит меньше.

Осмотревшись, увидел на тумбочке бутылку холодного чая. Тумбочка, как назло, стояла в дальнем конце спальни. Выругавшись, я осторожно поднялся и начал прокрадываться к заветной ёмкости. Пока приближался к цели, всё пытался вспомнить, откуда здесь вообще чай? Ну и балда ты, Коршун! Прошлой ночью в этой комнате спала твоя женщина! А она – любительница попить среди ночи.

Что-то у меня с памятью... опять провал... Впрочем, после сотрясения мозга и двух контузий бывает и похуже. Мне ещё, можно сказать, крупно повезло.

Холодный напиток приятно увлажнял пересохшую слизистую и не менее приятно нейтрализовывал жжение в пищеводе и желудке. Хорошо-то как! Прямо райское блаженство... Я бы, наверное, выпил всю бутылку, но тут моё внимание привлекло странное свечение, невесть откуда взявшееся за окном.

– Чё за херня-то, блин?! – прокомментировал я вслух.

Действительно. Иначе и не назовёшь яркое молочно-белое свечение посреди леса.

Холодный чай заставил сушняк временно отступить, и поэтому организму снова было сносно. А когда увидел пачку «Винстона» на подоконнике – стало уж совсем замечательно. Я подгрёб к окну, закурил сигарету и начал рассматривать странное свечение. К счастью, по пьяни у меня не зашкаливает храбрость, не то попёрся бы в лес, узнавать, что и как.

Свечение тем временем становилось то ярче, то тусклее, будто его источником являлась отживающая своё лампочка. Сие зрелище меня так заворожило, что в какой-то момент я буквально выпал из реальности. Вернулся, когда истлевшая сигарета обожгла пальцы. Ну и ладно. Закурю новую.

Но стоило со стороны свечения возникнуть человеческому силуэту, как я поперхнулся дымом и моментально протрезвел. Сильный кашель заставил меня согнуться и закрыть глаза. Когда я выпрямился и снова посмотрел в окно, то увидел тёмный, дремучий лес. Прямо как в сказках. Деревья, похожие на застывшие костистые лапы, выглядели настолько неприступно и естественно, что я всерьёз начал подумывать о том, что молочный свет мне попросту привиделся. Пришлось заподозрить: да к тебе, Коршун, по ходу, «белочка» в гости просится!

Через некоторое время накатила слабость, и я снова прилёг. На часах без пятнадцати пять, а вставать, несмотря на выходной, в семь утра нужно – кормить Дозора. Фиг выспишься, в общем. Впрочем, сам виноват.

Как назло, не спалось. Я повернулся к окну и принялся смотреть на звёзды. Очень скоро мне удалось заметить среди рассыпанного на чёрном холсте сверкающего бисера яркую, плавно движущуюся точку...

С мыслью о том, что вот было бы здорово, чтобы исполнилось желание улететь на какую-то другую планету и там начать жизнь с нуля, без груза прошлого, накопившегося в памяти, я и провалился в сон.

Снились мне чаще всего фрагменты из реально пережитого наяву. Светлое и радостное почти никогда, всё больше мрачные и тяжёлые моменты, никак не желающие улечься на дно подсознания.

* * *

...Майор Щебенев повёл стволом «калаша», указывая, и сказал:

– Вон там наш самолёт.

– Осточертели мне эти джунгли, – буркнул сержант Сушинский. – Скорей бы уже отсюда улететь.

– Что ж ты, Макс, так торопишься? – с иронией спросил сержант Афиногенов. – Ты же всю жизнь мечтал побывать в какой-нибудь Флориде!

Афиногеша – душа отряда. В нём всегда столько желания и энергии! Да и вообще солдат и товарищ он отличный. Единственное, что раздражает, так это любовь сержанта к подколкам и островам. Особенно доставалось его лучшему другу и тёжке Сушинскому. Поначалу и не скажешь, что они друзья. Но если вдруг какая-нибудь беда – а наш отряд повидал достаточно бед, – то Гепард (Афиногенов) и Бармалей (Сушинский) встанут спиной к спине, чтобы защитить и дать отпор. Впрочем, сержанты без колебаний придут на помощь любому члену отряда. В подразделения особого назначения подбирают не абы кого, а тех, кто ладит с товарищами по оружию. Можно даже сказать, что парни из любой группы ОБР – братья.

Сушинский сделал вид, что не услышал вопрос. Он достал из крепления на поясе фонарик и подсветил карту.

– Топаз, – обратился он к майору, – как пойдём? Напрямик через джунгли или в обход, через ручей на востоке?

– Времени не так много, – сухо ответил майор Щебенев. – Идём напрямую.

После этих слов он взмахнул мачете и срубил свисающую на пути лиану.

Метров через двадцать его сменил Афиногенов: прорубать дорогу – тяжёлый, сильно изматывающий труд. Это вам не кино про Хищника.

– В «Секретных материалах» была серия про леших, – как всегда вставив что-нибудь из «Икс файлс», заговорил лейтенант Калинов; из-за его любви к этому сериалу про спецагентов ФБР мы его прозвали Малдин, в честь одного из двух главных персонажей, Фокса Малдера, но прозвище трансформировалось, приобрело окончание, свойственное многим русским фамилиям. – Они жили как раз во флоридских лесах.

– Так мы не в лесу, а в джунглях, – заметил я. – Или ты думаешь, что здесь тоже живут лешие?

– Лес во Флориде мало чем отличается от джун...

Ответ оборвался на полуслове. Позади меня раздался громкий шелест листвы, и на мой затылок брызнуло что-то тёплое.

Я резко обернулся и увидел заваливающегося на спину Калинова. Мгновением позже до нас донёлся звук выстрела.

– Ложи-и-ись! – крикнул я, и одновременно с моим криком от стволов, лиан и листьев начали отскакивать отдельные фрагменты, а то и целые куски, будто невидимый садовник сошёл с ума и кромсает своими огромными ножницами не глядя.

Грохотало, кажется, со всех сторон. Мы отстреливались скупно, сэкономили боеприпасы, надеясь тем самым получить хоть какую-то выгоду из сложившейся ситуации, но тщетно. Похоже, нас ждали. И работают, гады, уж очень профессионально.

Это задание мне не понравилось с самого начала: во-первых, оно проводилось на территории другого государства, само собой, втайне от властей страны-хозяйки; во-вторых, нам толком не объяснили сути задания, сказали только, что мы должны отыскать секретную базу учёных и выкрасть оттуда документы и чертежи. То, что я там увидел, повергло меня в шок: трупы со странными наростами на лицах и конечностях, а некоторые тела выглядели так, будто над ними от души поглумилась мать-природа. Уж на что Топаз совершенно непрошибаемый человек, и тот был ошеломлён. Ох уж эти чёртовы научники вместе со своим биологическим оружием и всякими генетическими экспериментами!

Когда лежишь под пулями, теряешь ощущение времени и пространства, поэтому невозможно было определить, через сколько секунд (минут? часов?) и в каком направлении я пополз. Но вряд ли успел отползти далеко, моё движение прервалось взрывом и внезапно навалившейся на спину тяжестью... Разорвавшаяся граната выдрала из почвы дерево, и оно рухнуло на меня, да так удачно в кавычках, что я не смог из-под него выбраться.

Оглушённый и придавленный, я только старался не закрыть глаза, чтобы окончательно не «потеряться». Очень помогла светящаяся точка. Какая-то насекомина прямо перед моей головой, вжавшейся в землю правой щекой, отважно совершала свой квест сквозь хаос, устроенный высшими силами в лице людей, припёршихся в эти джунгли, чтобы устроить здесь свои разборки, и на хрен не нужные обитателям джунглей.

Я попытался представить, что о нас думают и как проклинаят эти букашки вторженцев, бесцеремонно топчущих их родные места. И согласился, что у них есть безусловные основания желать пришельцам всех кар небесных.

* * *

«СРЕДИ ВСЕХ ВАРИАНТОВ ТОЛЬКО ОДИН...»

«НЕ ГАДАЙ. ПРАВИЛЬНЫЙ ИЛИ НЕТ, УЗНАЕМ ЛИШЬ...»

«АГА, АГА! КОГДА ПОЙМЁМ, ЧТО ГОЛОВЫ ОСТАЛИСЬ ПРИ НАС».

* * *

...Очнувшись, он первым делом попытался вспомнить. Лес, люди... А что было до этого? Может, то же самое? Может быть.

Посмотрев по сторонам, мужчина присвистнул. Уж чего-чего, а обнаружить себя запертым в тесной клетке он не ожидал. Усевшись на полу, подёргав прутья и скрепляющие узлы, мужчина ругнулся и звезданул пятками в решётку. Сломать не удалось. Всё. Больше он пока что ничего поделать не мог. Слабость сковывала тело, наполняя желанием лечь и ничего не делать. С этим тоже придётся бороться.

– Э-эй! – позвал он кого-нибудь. – Есть кто живой?

В ответ – тишина.

Мужчина принялся ощупывать деревянные части и верёвочную оплётку клетки в надежде выбраться из неё. Увы, те, кто сделал клетку, своё ремесло знали. Узник даже не сумел найти, где находятся верёвки, послужившие «замком», – как-то ведь его внутрь засовывали, а значит, откидывается как минимум одна из стенок клетки?

Каких-либо предметов, с помощью которых можно сломать или перепилить прутья, в пределах досягаемости не оказалось. В самом помещении никаких перспектив выхода он тоже не увидел. Кроме закрытой двери в одной из стен. Но до неё ещё надо было добраться...

– А это что? – удивился он, когда кончики пальцев коснулись ошейника.

Средство предохранения, чтобы пленник не сбежал? Где же тогда цепь?

Впрочем, это ни к чему не прицепленное кольцо на шее пока что не казалось существенной проблемой.

Потыкавшись в разные углы клетки, мужчина устроился на полу поудобнее и занялся активной умственной деятельностью, ибо обстановка благоприятствовала. «Тюрьма – место, где любому приходится остаться наедине со всеми своими мыслями», – неожиданно вспомнил он. Воистину!

Если сначала человек в клетке вспомнил прогулку в ночном лесу при безлунном небе, то потом он начал припоминать и то, что спряталось поглубже... Кровь и щепки на льду, необычайно красивая девушка, люди в военной форме, прыжок с парашютом, любовные объятия с той самой необычайно красивой девушкой, другая девчонка, похожая на него, расстрел смуглых бородатых мужчин, женщина, похожая на него, озарённое пламенем небо, грохот боевой техники, зелёный двухэтажный дом, мужчина с большим пистолетом и бейджиком с неожиданной аббревиатурой «FBI», значок лямбды на стене, закованный в чёрную броню рыцарь с красным светящимся мечом...

Множество образов и событий сплелись в единый клубок и заполнили внутренний взор, застили внешнее окружение. Мужчина смотрел по сторонам и вроде бы видел те же облепленные ветками стены, но в то же время стены эти беспорядочно изменялись, принимая форму хранящихся в памяти картин, а то и вовсе проваливались в самих себя, тем самым помогая человеку погружаться в воспоминания.

От всего этого хаоса у мужчины дико закружилась голова, и он, будучи не в силах совладать с неожиданно пробудившейся и хлынувшей в сознание памятью, закричал. Он кричал долго, и это был крик боли, порождённый невозможностью сопротивляться лавине – всеограшающей лавине памяти...

Но увиденные картины, как оказалось, были цветочками. Ягодки пошли, когда перед его глазами возникли истекающие кровью люди. Они стонали, кричали, задыхались... И он, не в силах им помочь, вынужденно наблюдал за тем, как смерть забирает жизнь за жизнью. Вдруг необычайно красивая девушка взяла его за руку и, что-то нежно нащёптывая, потянула за собой. За другую руку его взяла похожая на него же девочка. Она сбивчиво, натужно говорила, с трудом сдерживая рыдания. Мужчина недоумевал, ведь девушка и девочка тянули его в разные стороны. Поняв, что он в замешательстве, каждая пыталась убедить его идти именно за ней. Потом они начали тыкать друг в дружку пальцами и повышать голоса, затем уже толкали друг друга, не забывая при этом тянуть его, тянуть, каждая в свою сторону. От громких голосов, почти криков, у него звенело в ушах, и жаркие волны перекачивались в голове. Девушка и девочка монотонно бубнили, взвизгивали, перебрасывались злобными взглядами и чуть ли не через каждые пять секунд что-то раздражённо выговаривали ему. Их непримиримый конфликт рос, креп, вздымался и вот уже навис над ним, как топор палача...

– Всё, хватит!!! – заорал он и, вцепившись в собственные волосы, заметался по клетке...

Обнаружив себя на полу, скрученным в позе эмбриона, пленник не мог сказать, сколько он безумствовал и сколько после вот так провалялся. Кое-как разогнувшись, он сел, привалился спиной к решётке и ещё раз осмотрелся. На этот раз воспоминания не буянили, не осклаливались клыками и не грызли. Они поуспокоились и задвинулись на тыловой план, предоставив текущей среде обитания рулить восприятием.

В голове немного прояснилось, и осмотр помещения дал человеку новую информацию, в частности, что здесь на удивление тепло и что сплошная древесина в качестве стройматериала. Да, эта тюрьма отличалась от тех, которые он помнил. А помнил он как минимум полдюжины камер и тюремных коридоров. Разные они были, но везде присутствовали прохлада, стальные прутья, бетонные, кирпичные или каменные полы и стены.

«Может, я в Африке? Или в Камбодже? – спросил он себя. – Вспомнить бы, что оно такое, Африка и Камбоджа... – с грустью подумал он. – Наверное, города...»

К чему относятся эти названия, он пока не определил. Память норовила первым делом подсунуть картины смертоубийств, а не страницы учебников географии.

Поэтому теперь уже он сам, намеренно, потревожил свою память. Осторожно, боясь вызвать её ярость, человек похлопал память... по лохматой голове?! И она, дружелюбно посмотрев на него, сладко зевнула во всю широченную пасть и затем встала на четыре могучие лапы.

На сей раз контакт с памятью прошёл безболезненно и продуктивно. В частности, мужчина вдруг вспомнил, что всё-таки не только стальные прутья, прохлада и бетон. Раньше он уже находился в похожей клетке со сходным «интерьером» помещения, окружающего её. «Попытка номер два», – подумал он и криво ухмыльнулся. Точней, попытался, потому что повреждённые побоями губы не особенно желали складываться в улыбку.

Память подняла хвост и игриво потёрлась о его ногу. «Ты чего?» – миролюбиво спросил он. Вместо ответа память сжалась, уменьшилась в размерах, замурлыкала и попросилась на

руки. Приняв её открытыми ладонями, мужчина расслабился, а память, сладко заурчав, начала откровенничать. Мысли упорядочивались и выстраивались в логические цепочки...

Хотя не все пробелы заполнялись сразу. Человеку не удавалось сообразить, почему ссадины на его теле волшебным образом почти зажили, синяки практически рассосались, и боль не ощущалась, разве что в особо невезучих местах на теле. И это после стольких избиений! «Наверное, я в этой клетке уже пару недель. По-другому не объяснить. Не Росомаха же я, в конце концов...» Но что такое Росомаха и как это название связано с избиениями и исцелениями, мужчина, к сожалению, не вспомнил.

Также выглядело подозрительным, что очнулся он вполне отдохнувшим, полным сил. Восстановился, как после курса интенсивного релакса. «Прямо как новенький, свежеиспечённый, – пришлось констатировать, – ничего не берёт...» А с последними очагами боли он вполне разобрался дополнительными действиями.

Вправив выбитый из сустава палец на левой руке, мужчина сделал вывод, что знаком с анатомией не понаслышке. Эту мысль подтверждали всплывающие из подсознания сведения: оказывается, он прекрасно знал, что делать при переломах, ушибах, контузии, отравлении... Причём знания эти были записаны в памяти не в виде иллюстраций на страницах учебника, а в виде реальных жизненных ситуаций. И плюс ко всему от первого лица. Неужели военный хирург? Или же... маньяк-садист? Эти ведь тоже не пренебрегают знанием анатомии. «К тому же я помню множество тюремных камер...» Определённо, в таком контексте ему куда больше понравился вариант с военврачом.

– Итак, – произнёс он вслух, – что имеем? Знаю языки, санитарные навыки имеются, помню умирающих людей, взрывы, боевую технику. Наверное, я полевой врач. Хирург, и травматолог, и токсиколог... Либо бывший врач, свихнулся на почве пережитого и стал маньяком.

Ситуация прояснялась и одновременно запутывалась всё больше. Но уже хоть что-то. От осознания того, что память потихоньку возвращается, мужчина повеселел.

– Теперь надо вспомнить своё имя. Или ту красивую девушку. Что меня с ней связывает? А с девочкой, похожей на меня? – рассуждал и вопрошал он. – Но сначала вспомнить бы, как меня зовут. В конце концов, это я сижу в клетке и ни девушек, ни девочек поблизости не наблюдаю... А пока займусь поиском способа, благодаря которому выберусь отсюда. Запертая клетка и следы от побоев оптимизма не внушают.

Склонность иногда озвучивать ход своих мыслей, наверное, тоже была ему присуща в прошлой жизни...

Отсутствие в клетке каких-либо вещей, могущих служить инструментами, серьёзно осложняло ситуацию. Не травой же пилить прутья?

Немного поразмыслив, мужчина не придумал ничего лучше, кроме как ждать. Ведь рано или поздно ему должны принести еду. В клетки сажают не для того, чтобы заморить насмерть, значит, он кому-то пока нужен живым... А принесут поесть – откроют клетку, и тогда уж можно будет попытать судьбу и выбраться из решётчатого куба. Если же сразу станет ясно, что затея провальная, тогда надо попытаться выяснить у того, кто принесёт еду, всё, что удастся.

Потерявшему память важна любая информация, любая мелочь. Ведь именно в деталях кроется самое важное. Суть. И ассоциации никто не отменял, даже незначительный факт может помочь вернуть контроль над воспоминаниями.

Определившись с дальнейшими действиями, мужчина собрал беспорядочно лежащие на полу клоки сена в один большой и подстелил под себя.

Остаётся только одно – ждать...

Заслышав топот, мужчина резко открыл глаза. Сознание и тело моментально вышли из состояния дремоты. Кто-то идёт сюда. В предвкушении он сконцентрировался. Ему стало весело и интересно. Даже понимание, что встреча с этим «топтуном» вовсе не обязательно

приведёт к освобождению из клетки, не омрачало улучшившегося настроения исцелённого мужчины.

Кайф. Самый настоящий кайф приходит с исполнением желаемого. Сейчас он как никогда был близок к кайфу, ведь он хотел увидеть человека. Любого. Страшного, красивого, маленького, высокого, худого, толстого, злого, доброго... Любого. И сейчас, через несколько секунд, желание исполнится.

Мужчина вдруг осознал, что жаждет конфликта. Хочет, чтобы грядущая встреча не закончилась унылой банальщиной, а увенчалась чем-то адреналиновым. «Наверное, я отношусь к тем людям, которые не могут жить без сложностей, то есть приключений, – заключил он. – Но иначе и не бывает. Однообразная жизнь без неожиданностей – всего лишь существование... Только приключения полностью раскрывают понятие «жизнь», дают возможность наслаждаться ею, научиться её ценить и любить...» Фразы всплывали из глубин памяти. Где-то он всё это слышал, вспомнить бы, от кого...

– Да я философ на всю голову, надо же, – прошептал человек.

Когда дверь наконец-то открылась, мужчина уставился в образовавшийся проём равнодушными, почти не моргающими глазами. Мозг был настроен на тщательный анализ информации, большая часть которой поступит именно через глаза, инструменты зрения. Поэтому взгляд человека был таким застывшим, чуть ли не остекленевшим: инструмент – это всего лишь инструмент.

Инструменты были хорошие, да и сам мастер – не промах: глаза «смотрели» куда надо, мозг фиксировал каждую деталь.

В комнате появились трое – двое мужчин и одна женщина.

Мужчины довольно высокие, жилистые, одетые в длинные засаленные, сто лет не стиранные рубахи без рукавов, которые свободно не развеваются только благодаря таким же засаленным, грязным поясам. Обуты в одинаковые башмаки: тёмные, вымазанные в засохшей грязи, с приклеившимися травинками. Руки волосатые, с безобразными шрамами то тут, то там. Бородатые, отталкивающие физиономии не внушали ни симпатии, ни желания подружиться.

Руки женщины были закинута на шею мужчин, её ноги волочились по полу. Она не шла самостоятельно, потому что пребывала в отключенном состоянии. Из одежды на ней остались разве что серые лохмотья на плечах и бёдрах. Среднего роста, тёмные волосы покрыты грязью, спутаны и слиплись в колтуны. Оба глаза подбиты, нос распухший от удара, как и губы. Тело покрыто синяками, ссадинами, красными следами от ударов и тычков, на лице, груди, животе виднеются засохшие следы какой-то жидкости белёсого цвета...

А на шее женщины – такое же опоясывающее кольцо, как и у мужчины в клетке.

– Йкн ыт! Огеч сяшьлипя! – грозно сказал один из мужчин, когда все трое подтянулись к свободной клетке.

– Чего? – переспросил мужчина из клетки.

– Стъзак! Равть! – услышал он ответ.

Один из пришедших потянул на себя переднюю грань другой клетки, та легко поддалась. Двое в безрукавках запихнули внутрь избитую женщину. Буднично, привычными движениями, равнодушно. Будто это и не человеческое тело вовсе, а вещь. Причём не особо ценная.

Мужчине, запертому в недрах клетки, вдруг сделалось нестерпимо жаль эту замученную женщину. До такой степени, что он не сумел совладать с эмоциями.

– Ещё раз тронете её, я вас убью! – пообещал он.

– Стъзак, равть!

– Ты чего заладил одно и то же? Пластинку заело?!

Пленник не смог просунуть руку между близко расположенных прутьев, чтобы ударить кого-нибудь из двоих конвоиров, но зато он впритык приблизил лицо и попытался плюнуть сквозь промежутки в решётке. Не попал, к сожалению.

- Выпустите меня, сволочи! – рявкнул он.
- Най гуй ети! – ответил один из бородачей.
- Чо! – вторил ему другой. – Вачо ать!

И они оба заржали. Аж за животы схватились. Отсмеявшись, закрыли соседнюю клетку, напутав верёвок по периметру решётки. Затем, показывая на человека в клетке лапами, ещё раз огласили помещение смехом и под собственный гогот покинули комнату, с грохотом закрыв дверь.

- Сдохните, мрази, – проводил их узник лаконичным напутствием.

После этого ему ничего не оставалось, кроме как вернуться на травяную подстилку.

Пищу не принесли, суки, болбочут на непонятном наречии, истерзанная женщина в соседней клетке. Мужчина посмотрел туда и прислушался. Вроде хрипло сопит... Жива, вот и ладно.

- Проснётся, там посмотрим, – резюмировал мужчина вслух.

Желания сбываются. Но чаще всего приблизительно, формально. Не совсем так, как хотелось. А суть скрывается в деталях.

* * *

Прямое вмешательство пока не требовалось. Энергию, необходимую для выживания в критический момент, ОНА подарила.

Главное, не переборщить.

Превращать же в безвольную марионетку не просто не хотела, а была категорически против этого. Чтобы согреться, ЕЙ нужен собеседник, никак не раб.

Уж чему-чему, а улавливать различие между этими состояниями ЕЁ прошлая жизнь научила.

03. Проверка на брак

«ПЕРЕХОДИМ К СЛЕДУЮЩЕМУ ПУНКТУ...»
«УЖЕ ПЕРЕШЛИ. ПОКА ЧТО ВСЁ ПО ПЛАНУ».
«НЕ СГЛАЗЬ!»

* * *

– Достал? – спросил он, увлекая меня в тёмный, ничем не примечательный переулок.

– Да, – коротко ответил я.

Мы шустро и тихо скрылись в городской застройке.

Преодолев половину переулка, одновременно оглянулись и сместились к глухой стене справа. Я расстегнул спортивную куртку, извлёк из-под неё стандартную серую папку. Подержал вместилище документов, словно взвешивая, и передал ему.

– Здесь всё, что ты просил, – подкрепил я передачу.

– Отлично, – ответил он, пряча папку под полый пиджака. – Если здесь действительно то, о чём я говорил, значит, скоро мы выведем их на чистую воду.

– Не знаю, что ты там хочешь найти. – В отличие от него я был настроен скептически, даже больше, мне-то всё происходящее активно не нравилось. – Происшествие случилось шесть лет назад...

– Я знаю. Именно поэтому и попросил тебя достать эту папку. – Он оставался невозмутим. – Дело, которое я сейчас расследую, аналогично тому, что принёс ты.

– Ты даже не видел содержимое папки...

– Я не первый год работаю, не забывай.

– Дерзай. Пока.

– Пока.

На этом и разошлись. В разные концы переулка.

Выйдя из сумрака в тусклый фонарный свет, я остановился на краю тротуара и, достав из кармана сигарету, закурил. Сделав пару затяжек, двинулся по тротуару. Я специально назначил встречу здесь, ночью в этом микрорайоне обычно спокойно.

Ещё один плюс – уличные фонари горят не постоянно. Здорово помогает в ситуации, когда надо оперативно сматываться. Периодически гаснет то один светильник, то другой. Знание интервалов, через которые каждый фонарь смыкает свой горящий «глаз», может сослужить хорошую службу. Также немаловажный фактор – множество построенных впрыток домов, почти все первые этажи которых проданы под нежилое. Почему плюс? А потому что стёкла широких окон и витрин – почти те же зеркала. Непонятно? Зеркала – отражают. А когда зеркал много и когда они окружают тебя, ты получаешь возможность иметь глаза на лбу, на затылке и на висках. Современные горожане живут в мире зеркал и даже не подозревают о том, какую халяву имеют. Посему её практически не используют.

Когда-то я тоже не подозревал. К счастью, те времена канули в Лету. Спасибо родителям – со временем они научили меня смотреть на мир по-иному. Дальше, глубже и шире. Затем наставники в спецслужбах продолжили обучение. Но главным учителем стал собственный опыт.

Когда над моей головой погас очередной фонарь, из-за дома на дорогу медленно выкатился чёрный «Форд Фокус»-вагон. Я в разнообразии моделей легковых машин не так чтобы эксперт, но марку именно этого автомобиля знаю, сам управлял таким.

Не раздумывая ни мгновения, я рванул вправо, к проходу между домами, поблизости от которого сейчас находился. Краем глаза успел заметить руку с пистолетом, высунутую из окна дверцы водителя. Хлопок застал меня уже бегущим вперёд, к выбранной цели.

Я ничуть не волновался. Да и нет причины для волнений. Подобную ситуацию заранее просчитал и предусмотрел, равно как и выстроил маршруты бегства.

Схватившись за газовую трубу – вот за такие трубы и люблю дома старого жилфонда! – я начал шустро вскарабкиваться на крышу. Восходил шумно, с криками «Пожар! Горим!». Уж простите, уважаемые жильцы, за потревоженный сон.

– Эт, мля, чё за йня?! – уже перемещаясь выше, услышал я недовольный пьяный голос.

– Где пожар?! – изумлённый, значительно приглушённый женский голос – живущая на четвёртом этаже не удосужилась открыть окно комнаты.

– Ты чаво тут лазишь?! – Разбуженный пьяница нашёл причину, потревожившую его хмельной покой. – Счас я те устрою!

В следующую секунду где-то внизу послышался звон бьющегося стекла. Похоже, пьяница узрел моего преследователя. Тот, хочешь, не хочешь, также изрядно шумел. Откуда ж он мог знать, что проход хаотично заставлен ящиками, коробками и мусорными пакетами? Я услышал глухой стук. Чуть позже – уже на крыше балкона – громкое шуршание. Преследователь, должно быть, сначала врезался в коробки, а потом в пакеты. И в какое неудачное время его угораздило! Как раз когда потревоженные жильцы проснулись.

Далее резко захлопали двери балконов, заскрипели окна, из которых разносились чаще сонные, чем бодрые голоса. В смысл речей я уже не вникал, но, судя по обилию матерных выражываний, меж собой жильцы общались далеко не вежливо.

Когда до крыши оставалось метра три, я напрягся, качнул энергию и, рывком достигнув края, расслабился, позволив скопившемуся заряду по инерции «донести» меня до следующей крыши. Со стороны, наверное, выглядело красиво. «Он парит в ночи. Он неуловим. Он борется за справедливость. Он спасает мир. Смотрите во всех кинотеатрах страны!» – свежепридуманый промотекст пафосно прозвучал в голове, когда я уже бежал по следующей крыше.

На её противоположном краю, в правом углу, торчала антенна, от которой тянулся толстенный кабель. Ориентир на месте, а это значит, что я на верном пути.

Тем и хороши старые районы, что дома в них расположены, считай, впритык друг к другу. Можно легко перепрыгивать с крыши на крышу и тем самым быстро перемещаться вдоль и поперёк улиц. Чем я сейчас, собственно, и занимался. Но вот преследователь или преследователи раскусили мою фишку: я непрерывно слышал ворчание мотора – чёрный «Форд» следовал за мной по пятам. Не в буквальном смысле, конечно. Там внизу всего лишь автомашина, самая обычная, не летающий бэт-мобиль. Посему «Форд» преследовал меня внизу, по дороге. Да, это уж точно не какая-нибудь киношная «Чёрная молния»...

И вот дом, последний на линии. Я уже видел автобусную остановку внизу. Моё преимущество истекает с каждым метром.

Выглянув вниз, на дорогу, я чертыхнулся – «Форд» подкатил в аккурат под мою текущую позицию. Ну не мог, не мог водитель настолько ювелирно определить моё положение! «Уж не маячок ли на мне?!» – предположил я. В любом случае сейчас нет времени щупать и выяснять.

Звон железа показался мне таким громким и опасным, что от неожиданности я подпрыгнул на месте и, находясь на краю крыши, едва не сорвался. Но удержался. Пока фартит.

– Стоять! – крикнул мчавшийся ко мне по крыше тип. Этот следовал по пятам в буквальном смысле. Яркий лунный свет позволил рассмотреть в подробностях. Лысый, с густой щетиной, одетый в кожаную куртку, тёмные джинсы и тёмные кроссовки; в правой руке вскинутый пистолет с глушак. Типичный киллер.

Ага, ишь чего захотел! Если мне и суждено умереть сегодня, то хрен тебе, а не стоять. Жаль только, что пистолет не успею выхватить, а то устроили бы на крыше дуэль в лучших традициях...

Синхронно с хлопком выстрела я рухнул как подкошенный и ухитрился избежать близкого знакомства с пулей. Но до чего же неудачно приземлился! В падении ударился головой об антенну, из-за чего перевернулся на девяносто градусов и в итоге упал животом на стёкла. Раньше эти осколки были скорей всего бутылкой.

Убийца подобрался ближе. Судя по тому, что не слышно его дыхания, остановился и затаился в нескольких метрах. Главное, чтобы не сделал контрольный выстрел ещё до того, как проверит, жив ли я... Не сделал. И в этом заключалась его главная ошибка.

Вместо того чтобы отбросить сомнения в моей кончине, киллер всё-таки перевернул меня. Увидев мою злорадно ухмыляющуюся физиономию, он спохватился, но было поздно.

Молниеносно схватив убийцу за правое запястье, я резко дёрнул его влево-вниз. Будучи не готовым к такой прыти от упавшего замертво и находясь в положении полуприседания, убийца начал заваливаться на меня. А я для ускорения процесса направил корпус ему навстречу. Зажатый в моей руке осколок стекла с чавканьем вошёл ему в шею, почти под скулу. Одновременно с этим я до хруста костей выкрутил запястье с пистолетом, оружие глухо шмякнулось на крышу, а другой рукой я уже схватил этого болвана за кеды и безжалостно сдавил пальцы.

Киллер хрипел, пытался сопротивляться, но силы стремительно покидали его. Я же, хищно прищурившись и скалясь, смотрел на стекающую по ладони кровь и не снижал силу давления. Когда враг затих, я расслабил руки.

Выбравшись из-под трупы моего несостоявшегося убийцы, я обыскал его одежду и не нашёл никаких личных документов, зато обнаружил «кошку». Она была закреплена у него на поясе. Для меня сейчас это самый настоящий джекпот. Определённо, сегодня удача на моей стороне! А документы не столь значимо. Главное, я догадываюсь, на кого он работал. И вот в компетентности заказчика начинаю сомневаться. Где он нанимал этого кретина...

Прикинув дальнейшее, я взял пистолет киллера. Если придётся стрелять, то лучше из чужого ствола. Теперь надо сматываться.

Обратно по крышам я шёл тихо и с пистолетом наготове, за мной могли послать и двоих, и троих. Заприметив подходящее для спуска местечко, я уж было собрался закреплять «кошку», но тут заметил что-то блеснувшее в лунном свете. Всмотревшись, увидел на противоположной стороне крыши металлическую лапу другой «кошки»... В следующее мгновение по моему хребту врезали чем-то тяжёлым. Удар был вроде не слишком сильным, но мне и этого сполна хватило. Упав, я ощутил во всём теле жгучую боль. А позвоночник и вовсе, казалось, вырывают безо всякой анестезии.

Крыша ощущалась раскалённой, будто сковорода на огне. Именно поэтому после падения я, чтобы не обжечь лицо, рефлекторно перевернулся на спину. Туда, где я лежал мгновением раньше, вонзился стальной прут.

Зловещий звон отрезвил меня. Теперь крыша была такой же холодной, обычной, считай. А я, в свою очередь, оценил ситуацию и начал быстро катиться в сторону, тем самым приближаясь к краю крыши. Второй киллер с прутом неотрывно преследовал меня, но каждый новый удар случался чуть-чуть позже, чем надо. А гвоздил он сильно. До того сильно, что я передумал совершить попытку перехватить смертоносную сталь.

В тот момент, когда перевалился за край, второй рукой схватился за пистолет. Даже не знаю, почему до сих пор не потерял оружие. Отец сейчас гордился бы мной – он говорил, я помню, что можно потерять голову, честь, достоинство, совесть, но вот оружие – ни в коем случае. Если без головы, чести, достоинства и совести ещё можно выжить, то без оружия...

Убийца свесился с края крыши и попытался достать меня хотя бы кончиком прута. Не смог, железка оказалась слишком короткой. Так, только лоб мне овеяло рассечённым воздухом. Зато моя пуля лоб киллера достала. Благодаря глушителю выстрел не был громким, но всё же хлопок заставил подняться в воздух стайку голубей.

Пролетая мимо балкона второго этажа, я расслабил пальцы, избавившись тем самым от пистолета, и вывернул корпус влево – к балкону. Схватился за боковую штангу и по инерции «пошёл» вверх. Сгруппироваться уже не успевал... Другая штанга пребольно врезалась в середину голеней, от чего я завопил, не утерпев, и наверняка перебудил своим ором даже глуховатых и глубоко спящих жильцов. Под моим весом конструкция прогнулась, затрещала, но не обрушилась. Хорошо, что схватился за штангу обеими руками. Если бы одной, рука в лучшем случае вылетела бы нафиг из сустава.

Шипя от боли, покачиваясь на штанге, я пытался найти какую-нибудь точку опоры; но у моего тела была слишком высокая частота колебаний. Она, конечно, шла на убыль, но я не могу столько ждать. Жильцы вот-вот очухаются и начнут звонить в органы. Возможно, поблизости находится ещё один агент, и он, услышав выстрел и треск металла, спешит за дом, точнее, за второй подъезд.

Я не придумал ничего лучшего, кроме как согнуть ближнюю к перилам ногу в колене, чуть поднять её и повернуть подошвой к балконной вертикали. Не самая удачная затея – внешняя сторона балкона была гладкой, без каких-либо выступов и углублений. Всё же немного своё качающееся тело я притормозил, благодаря чему и смог коснуться носком туфли козырька балкона первого этажа. С третьего касания мне удалось зафиксировать носок и тем самым погасить колебания.

Сдёрнув с пояса ранее конфискованную «кошку», я закрепил лапу на штанге и, оттолкнувшись от козырька, быстро съехал вниз. Как только подошвы коснулись твёрдой поверхности, сдёрнул «кошку» и уже на бегу начал сматывать трос. Оглянувшись, увидел, как в нескольких окнах одновременно зажгётся свет...

За мусоркой впереди возник силуэт. Не разобравшись, что увидел, я пнул лежащую на пути банку в направлении фигуры и в следующее мгновение отскочил в сторону. Летящая банка на секунду отвлекла внимание, что от неё, собственно, и требовалось.

Жестянку я долбанул хорошо, прицельно. Человеку с пистолетом – под другим углом рассмотрел предмет, который он держал в руке, – пришлось даже закрыть лицо. Когда банка ударила о его руку, я схватил лежащую рядом картонную коробку и швырнул в него же. Пока коробка летела, я из положения «на полусогнутых» выпрыгнул на человека, прям как хренов Спайдермэн.

Ловко отбившись от очередного летящего предмета, неизвестный уже не имел времени отбиться от меня. На подлёте я схватил его одной рукой за сжимавшие пистолет пальцы, другой ударил в солнечное сплетение, а верхней частью лба – в подбородок. Удары и значительная разница в зарядах кинетической энергии позволили мне легко сбить неизвестного с ног и с хрустом впечатать в находящуюся за его же спиной кирпичную стену дома.

После такого убийственного толчка неизвестный обмяк и мешком свалился на асфальт. Теперь я получил возможность рассмотреть его. Да это же Марк Гуркин! Один из чистильщиков моего же работодателя! Буквально вчера я с ним пил кофе, а теперь вот... Но такова жизнь госслужащих: сегодня – милостивый сосед по столику, а завтра этот самый соседушка пустит тебе пулю в лоб... Уверен, Маркуша явно понятия не имел, что целью буду именно я. И пуще всего на свете надеюсь, что пославшие его тоже не знают, кого конкретно преследуют. Иначе на службу мне как ни в чём не бывало не выйти завтра, да и жить осталось всего ничего. Не этот киллер, так другой, получивший именно заказ.

Эх, Марк, Марк... Не держи на меня зла. Аккуратно взяв его за голову, я одним резким движением провернул её в сторону. Позвонки хрустнули. Прости, Марк. Ты не хуже меня знал,

что в этой конторе дружба регламентирована и допустима лишь в случае целесообразности для дела. Даже слово такое произносится с иронией.

Выйдя на тротуар, я быстро посмотрел по сторонам. Ага. Вон там крадётся знакомая машинка. Заметив меня, «Форд» энергично взревел и пошёл на разгон. Ох, до чего страстно он возжаждал потереться бампером о мои ноги!

Мне ничего иного не оставалось. Только вернуться в переулок, из которого я только что вышел. Накинув куртку на голову, чтобы никто из разбуженных жильцов не рассмотрел моё лицо, стрелой пронёсся по переулку. На ходу обернувшись, не увидел ни автомобиля, ни его водителя. Может, обознался? В конце концов, такая машина есть не только у людей из силовых структур правительства. А то, что этот «Форд» резко рванул по дороге... Мало ли какой укурок сидит за рулём?

Подойдя к другой улице, я внезапно краем глаза засёк рядом машину. Вот эта, с-сука, точно по мою душу! Каким-то чудом мне удалось отпрыгнуть в сторону. Промахнувшись, авто резко затормозило и начало разворачиваться. Из окна водителя высунулась рука с пистолетом... Лёгкой мишенью я быть не захотел и рванул к ближайшему укрытию. Им оказался выехавший из-под моста автобус.

На ходу выхватив «кошку», я немного отмотал трос и закинул трёхлапую спасительницу на крышу автобуса. Не знаю, за что она там зацепилась, но удержалась, факт. Иначе бы меня, державшего тросик обеими руками, не потянуло бы вслед за транспортом. Я побежал, выбрасывая ноги далеко вперёд, будто прыгун с шестом. Когда до автобуса оставались считанные метры, я оттолкнулся от дороги и, увлекаемый «кошкой», полетел к автобусу.

Я был готов к этому, насколько вообще возможно в данной ситуации подготовиться, и, когда впечатался в борт, сразу же принялся быстро перебирать руками по тросу. Всё случилось настолько стремительно, что в моём восприятии вообще померещилось мистическим скачком: вот я прыгнул, и вот я уже на крыше.

* * *

«Форд» не отставал. Перестроившись, он поравнялся с кабиной автобуса и подал сигналы шофёру, чтобы тот остановился. Автобусник, к моему и водителя автомобиля удивлению, отказался выполнять требование. Вместо этого автобус забрал вправо и ударил легковушку в бок со стороны водительской дверцы. Сидящий в «Форде» такой наглости, естественно, не ожидал, посему и не сумел подстроиться под изменившуюся вмиг ситуёвину. Удар был не слишком сильным, но достаточным для того, чтобы автомобиль резко ушёл к обочине.

Тому, в «Форде», надо отдать должное – он сумел избежать столкновения с ограждением моста, но вот борзый водитель автобуса не угомонился – он снова ударил. На этот раз в заднюю часть. Второй удар был куда более сильным, «Форд» развернуло вправо, как раз водительской дверцей к продолжавшему набирать скорость автобусу. А сидящий за рулём пассажирского транспорта и не подумал избегать аварии!

Звон бьющегося стекла, скрежет сминаемого, раздираемого металла, рёв двигателей... Все эти звуки слились в неодушевлённую, механическую какофонию, от которой я на время «потерялся». Даже вот забыл, что сам колочусь об стекло салона с внешней стороны и что не упал на мост или, того хуже, за мост только благодаря тому, что судорожно вцепился и держался за трос «кошки».

Опомнился я в тот момент, когда автобус уже въезжал на улочку, по обеим сторонам которой тянулись рядами старые одноэтажные домики частного сектора. Пустые оконные рамы, потрескавшиеся стены, дырявые, наполовину растащенные крыши... Эти бывшие жилища уже готовы к сносу.

Когда двигатель затих, я перевёл ошалевший взгляд на переднюю часть салона; там с шипением пневматики отъехала створка автобусной двери.

– Ну, ё-моё, так и знал, что без казусов не получится! – весело заметил вылезший изнутри автобусник. Блин, да это же мой партнёр по операции! Но как замаскировался – бейсболка, очки, кофта мадэ ин бабушка... Я узнал его только по голосу.

– Отпусти уже верёвочку, – попросил он, разжимая мои сведённые судорогой пальцы.

– Ох ё ж, чтоб тебя! Как ты догадался?

– После того как ты передал мне папку, я решил присмотреть за тобой. Если б не твоя пугливость, вряд ли пришлось бы устраивать этот автобусный цирк...

– На том, другом «Форде» был ты! – осенило меня.

– Ну да. Хотел тебя забрать и увезти от преследователей, но ты так шуганулся... – Он улыбнулся и похлопал меня по плечу. – Идём, идём. На сегодня мы и так пошумели достаточно. Твоя помощь невероятно ценна, и тебе надо поскорей вернуться, чтоб не начали подозревать, кто «крот».

* * *

...Эпизод, внезапно выплывший из глубин памяти и в подробностях усвоенный, потряс мужчину до глубины души.

«Откуда оно взялось? Из моих ли это воспоминаний?..» – спрашивал себя он.

Неожиданный яркий фрагмент норовил обрушить схемы его предположений, словно одержимый яростью, пойманный в сети зверь. Только-только мужчина пришёл к выводу, что он либо маньяк, либо военный врач, как вдруг этот эпизод выбил из-под вывода опору.

Воспоминание же было таким ярким, таким реальным! Оно было живым! «Да кто я такой, чёрт возьми?!» – переполнившись отчаянием, спросил он себя.

И ещё долго занимался бы удручённым самокопанием, но тихое постанывание и шуршание отвлекли мужчину от очередных попыток идентифицироваться.

Повернув голову на источник звуков, он увидел, как женское тело перевернулось на другой бок. Выглядела пленница не просто измученной и потасканной, она выглядела жертвой пыток: тело покрыто синяками, ссадинами, струпьями, засохшей кровью и белёсыми потёками. Пахло от женщины, мягко говоря, не очень... да что там говорить, смердело от неё, как из выгребной ямы. Её грудь прикрывали остатки майки, а живот – нечто вроде излохмаченной набедренной повязки, вряд ли имеющей основания зваться юбкой. Одеяния, если можно так назвать, чисто символические.

Мужчина некоторое время разглядывал товарку по несчастью, затем произнёс:

– Да уж, всегда найдётся кто-то, кому гораздо хуже, чем тебе, и поди разберись, должна ли эта аксиома утешать.

Высказавшись, он вытащил из своих кроссовок шнурки и вознамерился вязать на них узлы. Всё равно больше заняться нечем.

* * *

...Рута чувствовала себя как никогда в жизни паршиво. Получше было, даже когда израненная валялась в наполненной ошмётками сухого дерьма канаве после того, как отбилась от стаи мутаволков.

Больше всего страданий приносила не физическая боль, а мерзопакостное ощущение тёрпко-солончатого привкуса во рту. Сколько она ни сглатывала слюну, гадостный привкус не исчезал... Тело разламывалось от многочисленных ударов и шлепков и при этом жутко чесалось от высохших выделений, которые превратились в трудно сдираемую корку. Между ног

жгло и зудело. Всё, чего она хотела сейчас, – это помыться, окунуться в спасительную, живительную влагу и полоскать, полоскать осквернённую ротовую полость. Смыть чужие следы и гнусный запах. Вонь дикарей, которые жестоко насильовали её. Она не знала, сколько раз в неё и на неё брызнули, сколько раз бесцеремонно испражнились. Она очень быстро потеряла сознание, но мучителей это наверняка не остановило. Они продолжили терзать до тех пор, пока не удовлетворили свою похоть полностью.

Рута была не просто унижена и оскорблена, травмирована и ранена. Она чувствовала себя растоптанной, смятой в лепёшку и раскатанной колёсами. И ведь дальше будет только хуже, её продадут в другой клан, а если не сойдутся в цене, тогда оставят себе, и рано ли, поздно ли расчленият во время очередной изуверской оргии...

Руте оставалось лишь надеяться, что найдут и спасут свои. Надежда призрачная, но вдруг посланцы командира, теперь уже являющегося в каком-то смысле и отцом, и покровителем, и наставником, всё же успеют вовремя и не оставят пропавшую дочь на произвол зонных тварей.

Или же ей поможет освободиться... человек из другой клетки?

С трудом удерживая голову прямо, Рута смотрела на него.

Спасибо керосиновой лампе, всё ещё дающей достаточно света. Несмотря на багровый туман в голове, она сообразила, что его ужасные повреждения, многочисленные ссадины и гематомы почти зажили. Хотя с того момента, как его сюда притащили, прошло не больше нескольких часов.

Этого времени Руте хватило, чтобы пройти через ад группового изнасилования, а ему – чтобы исцелиться.

«Кто же ты такой?» – спросила она мысленно. Животрепещущий вопрос вертелся на языке, просился стать озвученным. Понаблюдав за соседом ещё немного, Рута пришла к выводу, что странный незнакомый мужчина не из сталкеров. И не пограничник, не внутренний патрульный и не из спецов, точно не из организации, в которой состояла она сама... Даже не из учёных.

Какая-то необычная от него исходит волна. Он человек, ничуть не мутант, во всяком случае, прямого воздействия Зоны не чувствуется, но... И ведь не то чтобы этот мужчина разительно отличается от всех тех, кого ей удалось в жизни встретить и узнать. Просто... Есть в нём что-то такое, не встреченное ею раньше у других людей.

Чужак. Такое определение пришло ей в голову. Очень точное, надо сказать. Нечто сходное она ощущала лишь когда находилась по ту сторону проходных «окон», на заданиях.

«Откуда ты здесь взялся?» – этот вопрос тоже просился на язык.

– Эй... – негромко позвала она его. Точней, попыталась позвать. Но перехваченное, наполненное пакостным послевкусием горло подвело, и она выдавила что-то несвязное, нечленораздельное.

Однако сосед моментально прервал завязывание очередного узла и уставился на неё. Во взгляде его загадочным образом сочетались радость и напряжение, сочувственная жалость и брезгливость. А ещё Рута, спасибо свету керосиновой лампы, заметила в его прищуренных карих глазах интерес. Она часто видела этот интерес в глазах мужчин. Но в этих глазах подобный мужской интерес имел пусть неуловимо, но всё же другой окрас. Чужой окрас, нездешний.

Руте в силу профессиональной необходимости и раньше доводилось контактировать с перемещенцами. Разумными существами, просочившимися сквозь «окна», проводящие из одной пространственной точки координат в другую. Довелось встречаться даже с теми, кто проходил через «окна» межвременные, переместившись из одной даты в другую.

В Троте всегда бывали подобные абнормали, хотя малочисленные и редкостные, но теперь их число росло стремительно. Что самое угрожающее, всё чаще возникали проходы «бликующие», на краткий срок. В любом самом неожиданном месте. А ещё начались казусы с

проходами стабильными, установленными, изученными и известными. Например, в моменты активации начали появляться вспышки света, от белого и синего до зелёного или красного.

Но ни от одного из перемещенцев, встреченных ею раньше, не исходила такая волна. Ни в ком из них не чуяла Рута такую вот непривычную чужеродность. Причём совершенно отличную от инородности Зоны. Уж этой-то инаковостью всё здесь было пропитано, и потому стала она привычной...

Даже в том плачевном состоянии, в котором Рута сейчас пребывала, она сумела уловить эту новоявленную инаковость, настолько мощным было исходящее от незнакомца излучение. Чем-то похожим веяло разве что от тех, кто перемещался из прошлого, сквозь время, но ни разу настолько остро не ощущала Рута чуждость живого существа окружающей его среде...

После того как девушка исторгла невразумительный призыв, он смотрел ей в глаза добрую минуту, а потом заговорил:

– Кте я-а? Шта-а творицца? Кто я? Почму сдесс?

Рута даже не поняла, что её удивило больше: всеобъемлющие и вместе с тем глупейшие вопросы или же сама его речь? Такое исковерканное произношение девушка услышала впервые. Как будто он учился российскому языку не у мамы с папой, а проштудировал видеокурс. Неужели коллега, агент какой-нибудь «конторы»?.. Из тех, кто работает по обе стороны Периметра. Прямо как она, Рута.

Все эти мысленные рассуждения заняли у неё немного времени; но сосед оказался бойким на язык, он успел задать те же самые вопросы на североамериканском, франкском и ещё на двух малознакомых Руте языках Большого мира.

И ни словечка на сленге постоянных обитателей Трота! На сложившемся за десятилетия наречии, наиболее ярко выраженными носителями которого, кстати, являются зонорожденные ублюдки-дикари, засунувшие их обоих в клетки.

Девушка, мягко говоря, изумилась. Мало кто из постоянно обитающих в Троте может назвать себя полиглотом. Да, всё-таки перед ней агент, занесённый в эту Зону неведомым ветром...

Либо она даже представить себе пока не способна, в чём скрывается объяснение его чужеродности.

Причём, судя по тому, что среди вопросов «Где я?», «Что творится?» и «Почему здесь?» появилось неожиданное «Кто я?», суть происходящего может скрываться не только от неё, Руты. И это обстоятельство тем паче погружает ситуацию в полный мрак необъяснимости.

Что ж. Как и положено внутри Зоны Посещения...

Задав вопросы, чужак выжидающе пялился на Руту. Как будто именно она вот-вот выдаст истинное откровение, и всё разложится по полочкам. В глазах мужчины буквально светилось страстное желание услышать чёткие ответы.

И Рута ответила ему, на российском, ибо этим языком Большого мира владела лучше всего. Потому что хоть сама она и родилась в Зоне, но предки её до Трота жили в стране, непосредственно окружающей этот ступенчатый котлован стокилометрового диаметра.

Медленно, с трудом проталкивая слова через иссушённую глотку, девушка произнесла:

– Я не знаю, кто ты... почему здесь... А творится жизнь... И занесла тебя... судьба, точно так же, как... и меня, в плен. Ублюдки Трота нас взяли...

Услышав более-менее удобопонятные ему слова, он, похоже, впал в ступор. Застыл, вытаращившись на Руту квадратными глазами. Всё-таки, несмотря на жуткий выговор, родной для него именно российский язык.

– Меня понимаеш... – наконец выдавил он.

– Да уж куда я денусь, – обведя взглядом решётки, разделившие их, попыталась пошутить Рута.

– Кхак?! – поразился мужчина. – Они, – он ткнул рукой в направлении закрытой двери, – не понимает ни...

– Дикари вообще мало что понимают, – просветила Рута. С каждым произнесённым словом острота гнусного привкуса во рту уменьшалась, и девушка мысленно поблагодарила собеседника уже за это. – И с нормальным разумом у них не густо...

– Дика... ри? – переспросил мужчина. – В смысле? Кхде мы, кака страна?

– Ты что, издеваешься?! – не выдержала Рута. Действительно! По-русски бегло говорит, а такую фигню городит.

– Я не сснаю... я нищего не сснаю... мало я помню... – пожаловался мужчина. И так это у него беспомощно, сконфуженно получилось, что Рута даже испытала мимолётный стыд за то, что рявкнула на товарища по несчастью. От греха подальше она решила промолчать и не прокомментировала последние реплики.

– Ты действительно не помнишь? – после долгой паузы спросила она осторожно. – Что-то с памятью случилось?

– Почти ничего.

Эти два слова вдруг прозвучали без искажений.

– М-да, – сочувственно протянула девушка.

Вот ведь, ей казалось, что угодила в переплёт хуже некуда. А выходит, кому-то зонная тропа может подкинуть ловушку страшнее той, в которую она влетела в тот момент, когда столкнулась с дикарями в процессе выполнения задания.

– Что вообще происходит? Где мы находимся?

А парень всё чище и чище говорит. Неужели адаптируется к нормальному звукоизвлечению прямо на ходу, послушав её произношение?..

– Вот заладил, – буркнула она. – В логове дикарей мы.

– Страна, какая здесь страна? – не унимался мужчина.

– Тебе, похоже, память капитально отшибло, – обречённо констатировала Рута. – Какая страна, нафиг... Здесь Трот.

– Что?..

– Российская. Зона. Посещения, – отчеканила девушка.

С каждой минутой она чувствовала себя всё уверенней и лучше. Как будто утешилась тем, что у кого-то положение может быть ещё незавидней, чем у неё. Даже мерзкий привкус во рту почти исчез.

– Помогай мне! Прошшу! – Он схватившись за прутья своей клетки и приник лицом к ячейкам решётки. – Помоги вспомнить!

– Э нет! Это удовольствие может затянуться, – покачала головой Рута. – Давай сначала сбежим отсюда.

– Бежать? Куда?

– Да хоть куда! – Девушка приглашающе развела руки в стороны. И уточнила: – Ты вообще, что ли, не врубаешься в ситуацию?

– Сказал же, почти ничего не помню...

– Ладно. – Рута согласно кивнула и поморщилась – лицо напомнило о том, что избито. – Давай так. Мы найдём способ выбраться отсюда, а потом займёмся твоей памятью. Согласен?

– Ссогласен, – моментально подтвердил мужчина. И в этот момент Рута заподозрила, что не такой уж он простак и что исподволь именно такого порядка действий добивался.

– Ну и славно. – Она не стала углубляться в тему. Всему своё время.

– Чего дикари хотят от нас? – спросил мужчина.

– Продать подороже, – сухо ответила Рута. – Тебя по крайней мере.

Её новоявленный напарник не нашёлся, что сказать.

Но молчание длилось недолго. Не прошло и пары минут, как они оба услышала за бревенчатой стеной топот.

– Если что, я тебя не понимаю, – предупредила Рута.

– Само собой.

Мужчина лёг на пол клетки и скрутился в клубок. Девушка поспешно последовала его примеру.

– Не спать! Замёрзнете! – с издёвкой произнёс дикарь, первым вошедший в помещение. На зонном наречии, конечно. Руте прекрасно знакомом, потому она и поняла сказанное.

– А у нас подарки! – весело сказал второй.

Оба чмошника громко заржали и направились к клеткам.

Рута, искоса наблюдавшая за приближением дикарей, вдруг подумала, что эти порождения Зоны служат живыми иллюстрациями тезиса, что дуракам жить легче и веселей. Они не задумываются над тем, что с ними произойдёт завтра.

Один из тюремщиков обратился к пленному человеку:

– Жра удак, – и сквозь решётку просунул в его клетку узкий брикет зелёного цвета.

Мужчина глянул на «подарок», взял его в руку, покрутил так и этак, обнаружил, что зелёная с желтоватыми прожилками обёртка это древесный лист, и развернул её. Внутри обнаружилась плитка пищевого концентрата, сухого аналога консервы из банки... Убедившись, что пленник понял, для чего предназначен брикет, дикари переключились на пленницу в соседней клетке.

Второй тюремщик что-то сказал ей и протянул ещё один брикет. Но не просунул внутрь клетки, а помахал едой в воздухе, словно дразня.

Избитая девушка ничего не ответила. Она молча посмотрела на мучителя и отвернулась.

Первый тюремщик залопотал что-то на их тарабарском наречии, лишь очень отдалённо напоминающем русский язык; второй дикарь спрятал брикет и начал открывать клетку.

Когда передняя решётка была откинута, он схватил пленницу и рывком выдернул наружу.

– Твай ё улы! – велел его напарник, разматывая верёвку.

Вдвоём они привязали девушку к толстому столбу, торчавшему посреди хибары.

Пленница, ослабевшая и измочаленная, сопротивление оказала чисто символическое. Она пыталась толкаться локтями и коленями, но здоровенные волосатые мужланы этого фактически не заметили. Они усадили её на корточки, завели руки за столб и связали их. Пока второй дикарь проверял узел, первый встал к ней вплотную. Девушка сидела на корточках, и поэтому низ его живота оказался у неё точно перед глазами...

Человек в клетке сжал кулаки. Он понял, что сейчас будет происходить, но абсолютно ничем не смог бы помочь девушке. У него не имелось ни малейшего шанса воспрепятствовать близящемуся насилию. Он мог только выбрать: смотреть или не смотреть, метаться по клетке и возмущаться или отвернуться и заняться поеданием брошенной подачи.

И он сделал выбор. Он отвернулся. Но не для того, чтобы жрать. Брикет отлетел в угол клетки. Оцепеневший пленник сидел спиной к столбу, и на лице его застыло выражение лютой ненависти...

Только вот уши его в отличие от глаз «отвернуться» не могли. Он слышал удары, шлепки, надрывные стоны, хлюпанье, хрипение... Утробное рычание, выкрики насильников...

И когда девушка тоненько, отчаянно взвизгнула, человек не выдержал. Внутреннее пространство деревянной избы вдруг заполнили громогласные проклятия и посулы.

Мат, русский мат! От всей души!

Мужчина уже не отворачивался. Он развернулся лицом к творящемуся непотребству, вцепился в прутья передней решётки, стиснул до побеления костяшек пальцев. Лицо искажала гримаса ярости, рот не закрывался...

Выражался он до того забористо и витиевато, что даже насильники прекратили своё гнусное занятие. Эмоциональный заряд, который пленник вкладывал в свои словесные снаряды, врезался в пространство едва ли не материально...

Насильники достаточно долго ничего не предпринимали в качестве ответной реакции. Их жертва не двигалась и признаков жизни не подавала, возможно, спасительно потеряв сознание. Первым опомнился тот, что совал пленнику брикет.

Он отрывисто рявкнул, и второй тут же двинулся к клеткам, на ходу доставая что-то из-за пазухи своей балахонистой рубашенции. Это оказалось что-то вроде тонкого шипа длиной с мужскую ладонь.

Подскочив к деревянной клетке с пленником внутри, он поднял руку, изготовился для метания... В этот момент дикарь стал похож на игрока в дартс. Но меткость его оставляла желать лучшего. «Дротик» свистнул мимо плеча увернувшегося человека, проскочил между прутьями задней решётки и вонзился в бревенчатую стенку хибары. Неудачливый метатель возмущённо заорал.

Его несостоявшаяся мишень изнутри клетки продолжала извергать словесные грады. Вдобавок человек уже не держался за решётку, руками он активно зажестичулировал. Показал на неподвижное тело девушки, обвисшее на столбе, ткнул в промахнувшегося дикаря, а после этого приставил ребро ладони к горлу и резанул им, будто лезвием.

Дикарь, разъярённый поведением узника, бросился к клетке и лихорадочно завозился с верёвочными петлями. Он забыл об осторожности, он забыл обо всём, он жаждал лишь одного – добраться до человека, выдернуть его из-за решётки и собственными руками удушить, разорвать, разодрать...

А человек отпрянул, молниеносно сунул руку сквозь заднюю решётку и завладел «дротиком». Так что к моменту, когда передняя решётка пала, он уже был готов встретиться с врагом.

И встреча состоялась. Хотя получилась неожиданно скоротечной. Стоило отвязанной решётке упасть, как пленник атаковал. Ему хватило одного-единственного движения руки, чтобы воткнуть шип точнёхонько в глазницу нападающему дикарю.

Насильник резко, будто об стенку ударенный, замер. Вопль его захлебнулся на полувзвук, морда застыла в гримасе ярости. Хотя теперь это уже была посмертная маска... Пленник отдернул руку, отпустил шип, вогнанный почти на всю длину, мгновенно убитый дикарь мешком осел на земляной пол и с глухим стуком завалился набок.

Экзекуция не состоялась по причине смерти экзекутора.

Тот дикарь, что оставался у столба, не медлил ни секунды. Он соображал быстрее своего неудачливого напарника, потому без малейшей задержки бросился к двери и выскочил наружу, с грохотом захлопнув створку. Даже не попытался вступить в единоборство.

Пленник выскочил из клетки и в один прыжок добрался до зависшей на столбе девушки. Пошупал на её шею, есть ли пульс, убедился, что жива, и прыгнул обратно к своей клетке.

Снаружи доносился истеричный ор. Удревший дикарь громкими воплями призвал соплеменников на помощь.

Дверь снова распахнулась, в избу ворвались несколько дикарей. Человек понимал, что против целой толпы ему пока не выстоять, поэтому просто впрыгнул обратно в клетку, чтобы затруднить доступ к себе, и скрутился в клубок, прикрывая голову, живот и гениталии.

Но сразу его бить не стали. Они обстреляли пленника шипами. И на этот раз все дротики достигли цели. Человек ощутил, как тело наливается свинцовой тяжестью, и понял, что острия чем-то смазаны, если не ядом, то снотворным каким-нибудь. Он даже обрадовался, что отключится и не будет чувствовать удары. Мазохистом человек не был, это он о себе вспомнил точно, и хотя умел справляться с болью, но удовольствия от неё не испытывал.

* * *

Непосредственной угрозы состоянию организма обездвиживающее вещество не несло, и ОНА не считала нужным вмешиваться. Только наблюдала. Чтобы при необходимости подпитать ответным теплом, не только его, но и особь из соседней клетки, которая может быть ему полезна для выживания.

Тепло, исходящее от спасённого источника, омывало ЕЁ, даря новую жизнь. И будя воспоминания. Одна за другой картины прошлого бытия, случившегося до того, как пришлось спрятаться, впасть в спячку и превратиться в частицу ничто-нигде-никогда, всплывали и оживали.

Та жизнь не вернётся. Дважды в реку не войти. Река вообще утекла, море высохло, океан испарился.

Но разве сумеет ОНА забыть о том, что было...

Пусть и прошло, протекло, кануло в небытие, но было, было, было!

И та быль теперь продолжится. В оживающей памяти. Вспышками, искрами, высверками она уже стремится прорваться из черноты забвения.

04. Рекрутинг

В отделении нефрологии Центральной клинической больницы меня уже знает в лицо весь медперсонал. Ещё бы! Ведь я хожу сюда почти каждый день на протяжении четырёх месяцев. И за это время мне до того осточертело это место, что, наверное, скоро оно будет сниться в ночных кошмарах. Я вряд ли буду смотреть сериалы про врачей, сейчас в моей жизни выше крыши хватает всякой медицины.

По выработавшейся привычке свернул направо по коридору, поздоровался с идущими навстречу медиками и зашёл в восьмую палату. Ещё в начале сентября я и понятия не имел, где находится эта палата, потому что в тот период сестра встречала меня либо у входа в больницу, либо на первом этаже. Миновало чуть больше месяца с момента, когда она окончательно слегла, а кажется, будто это длится уже целый год.

В ходе посещений я ничего особенного не делаю, приношу лекарства да разговариваю с сестрой, но после этих свиданий чувствую себя далеко не лучшим образом. Мало того что интерьер больницы давит на психику, так ещё и состояние сестры ухудшается. Не быстро, но... И прогнозы врачей далеки от обнадеживающих. В общем, визиты в больницу приносят мне исключительно страдания. Будто в сердце вонзается лезвие ножа, и кто-то начинает его садистски прокручивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.